

**ЖУРНАЛ ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

ПАЛАНТУР

43

июнь 2004 года

Том А.Шиппи. Орки, призраки, нежить: толкиновские образы зла. (перевод Д.Виноходова, А.Хананашвили).	3
Келебрин. Эльфийская история от Пробуждения до Великого Похода. Власть и ее носители.	18
Гай Девенпорт. Хоббиты в Кентукки. (перевод Ольги Марковой). . .	25
Марк Т. Хукер. Сломанные сказки Средиземья. (перевод Аллы Хананашвили).	27
Т.Л.Фиглин. Советский менталитет и русское словоупотребление глазами американца (комментарии "шестидесятника" к книге Марка Хукера "Толкин русскими глазами").	30
Хельге Февскангер. Синдарин - благородное наречие. (переводчик неизвестен, под редакцией Маэлора Д.Ласа) продолжение. . . .	33

На последней странице - рисунок Моргул "Белег встречает Гвиндора"

Palantir®

ПАЛАНТИР
N 43 июнь 2004
журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

Этот номер для вас делали: Аратанве Эондил, Дмитрий Виноходов, Золтан Бардинг, Маэлор Д.Лас, Моргул

Наш адрес: 197110 СПб, ул.Б.Зеленина 15-33

E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Зеркала сайта: tolkien.by.ru esgaroth.narod.ru

Copyright (c) 2004, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

О происхождении, сущности и судьбе орков Дж. Р. Р. Толкин размышлял на протяжении многих лет, не раз и не два коренным образом меняя свою точку зрения, но так и не создал окончательной и исчерпывающей концепции. Поэтому многое в отношении этих персонажей осталось непроясненным, и споры о них почти не затихают.

Одним из первых на эту проблему обратил внимание Том Шиппи. Завершая свой фундаментальный труд *Дорога в Средьземелье*, он отметил, что за рамками книги осталось еще множество вопросов, "которые могли бы дать толчок к интересным исследованиям" [Дорога в Средьземелье, Ch. 9]. К их числу, по его мнению, относится проблема "орки как образ зла" [там же]. Не раскрывая тему подробно, автор заявляет: "еще никто никогда не отмечал, что в этом образе содержится скрытая ирония, а между тем у орков, что интересно, все же имеется некоторое представление о добродетели" [там же]. Очевидно, эта проблема показалась ему достаточно важной и интересной, поскольку он посвятил ей отдельную статью, перевод которой мы предлагаем вашему вниманию. В своей более поздней монографии *J. R. R. Tolkien Author of the Century* Шиппи использует выводы, полученные в данном исследовании, но опускает саму цепь рассуждений.

Авторские примечания приведены в конце статьи, примечания переводчиков даны постранично. В ссылках на источники указываются разделы и главы, а не номера страниц, как в оригинале статьи.

Переводчики выражают свою глубокую и искреннюю благодарность Марии Каменкович и Марии Артамоновой за возможность ознакомиться с данной статьей, а также Дэвиду Дагану, Светлане Лихачевой и Марии Артамоновой за помощь, оказанную при переводе.

Том А. Шиппи
(перевод – Д. Виноходов, А. Хананашвили)

В конце главы *Выбор мастера Сэмвайза* (LotR, Book Four, 10) Толкин скрыл некую важную идею, почти незаметную, но одну из наиболее значимых в книге. Там описывается, как Сэм, надев Кольцо, прежде снятое им с безжизненного, как казалось, тела Фродо, подслушивает

разговор двух орочьих командиров: Шаграта из башни Кирит Унгол и Горбага из крепости Минас Моргул. Этот орочий разговор – один из шести, которые мы слышим во *Властелине колец*. Горбаг старается убедить Шаграта, что Фродо не единственный проникший к ним лазутчик – лишь кто-то другой мог перерезать пути у него на теле и ранить Шелоб: "*похоже, мы упустили могучего воина, скорее всего, эльфа*". Именно этот «кто-то другой», этот «могучий воин» (на самом деле, это не кто иной, как Сэм) представляет подлинную опасность, а его «маленький спутник» – Фродо – возможно, не столь уж значителен: "*Видать, тому здоровяку с острым мечом он был не слишком-то дорог – бросил его валяться и все: обычные эльфийские проделки*" (там же).

Неодобрение, выраженное в последних трех словах Горбага, вовсе не ошибка в тексте. «Эльфийский» – для него бранное слово, равно как и для некоторых иных персонажей *Властелина колец* (не все из которых на стороне Саурона). Покинуть товарища в беде – поступок, несомненно, с его точки зрения заслуживающий презрения, а значит, вполне может характеризовать противника. Но уже на следующей странице выясняется, что именно так ведут себя и его собратья. Отвергая доводы Горбага, Шаграт твердит: "*ты о многом не знаешь*". В частности, капитан Моргула не знает, что укусы Шелоб не обязательно бывают смертельными: "*У нее несколько разных ядов. Когда она охотится, то жалит добычу в шею, и та становится мягкой словно рыба без костей. Тогда Шелоб может делать с ней что угодно. Помнишь старого Уфтахка? Он запропал на несколько дней. А потом мы нашли его подвешенным в углу пещеры, он был здоровехонек и плялся вовсю. Как мы смеялись! Может она и забыла про него, но мы все равно не стали его трогать – в ее дела нас лучше не совать*" (там же). Так сказать, обычная орочья проделка – бросить своего товарища, находящегося в сознании, на ужасную смерть, более того, смеяться, рассказывать об этом и ждать такой же ответной реакции. Отсюда можно было бы заключить, что один из орков порицает подобные действия, а другой именно так и поступает, но похоже, что как раз на этот счет мнения Шаграта и Горбага совпадают: Шаграту не кажутся странными представления Горбага об «эльфийских проделках», а Горбаг не имеет претензий к чувству юмора Шаграта.

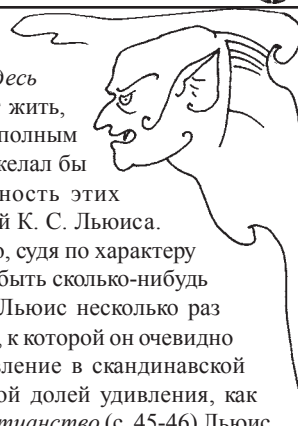
Тонкая ирония к тому же призвана подчеркнуть важность основополагающей идеи, неоднократно проявляющейся в разговорах орков, свидетелями которых становится читатель. В более широком смысле идея эта была настолько важна для Толкина, что он подчеркивал ее вновь и вновь. Изложить саму идею довольно просто, хотя в те времена Толкин затратил немало усилий на выявление ее сути. Вкратце, эпизод с Шагратом и Горбагом показывает, что орки имеют представление о добродетели, и их основные моральные принципы почти не отличаются от наших. Но коль скоро это так, создается впечатление, что вся эта мораль совершенно не влияет на их реальное поведение. Каким же именно образом в таком случае искажены их по существу правильные представления о добре и зле? Если в основе поведения орков лежат вполне нравственные принципы, то почему же их дела настолько с ними расходятся? Несомненно, это один из жизненно важных вопросов, приобретших особое значение в XX веке, когда самые страшные зверства совершались наиболее цивилизованными людьми – это настолько очевидно, что не требует особых доказательств. И то, что Толкин уделил этой проблеме самое пристальное внимание, а не отвернулся от нее, подобно большинству своих более образцовых современников-литераторов, безусловно, заслуживает уважения.

Общее отношение Толкина к проблеме орков выражено во *Властелине колец* вполне недвусмысленно и традиционно. Он неоднократно утверждает, что зло неспособно созидать.¹ Оно всего лишь «подражает», но не «творит». Эту идею Мерри и Пиппину высказывает Древобород во время похода энтов на Айзенгард (LotR, Book Three, 4), а Фродо повторяет ее Сэму перед тем, как они покинут башню Кирит Унгол: "*Я не думаю, что Тень породила орков, она лишь испортила и исказила их; и раз они живые, то должны жить подобно иным живым*"

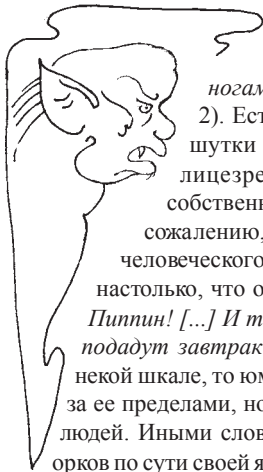
созданиям. Грязную воду и скверную пищу они примут, если не смогут добыть ничего лучшего, но не отраву [...] Где-то здесь должны быть пища и вода" (LotR, Book Six, 1). Орки не могут жить, питаясь отравой, точно так же они не могут жить, руководствуясь полным отсутствием добродетели, хотя, конечно, вряд ли кто-нибудь пожелал бы разделить их пищу или их восприятие добродетели. Важность этих несомненных истин также явствует из нескольких высказываний К. С. Льюиса. Хотя он был писателем менее последовательным, чем Толкин, но, судя по характеру этих высказываний, в данном случае у друзей вряд ли могли бы быть сколько-нибудь существенные разногласия. В своих апологиях христианства Льюис несколько раз обращался к критике дуализма, или манихейства – древней ереси, к которой он очевидно питал некоторую симпатию (например, усматривал его проявление в скандинавской героической мифологии), но рассматривал, скорее, с некоторой долей удивления, как опасную, из-за ее живучести.² Однако в своей книге *Просто христианство* (с. 45-46) Льюис настойчиво утверждает, что эта древняя ересь в конечном счете не лишена смысла. Никто "не любит зло ради него самого [...] только за то, что оно плохое". Его могут любить за то, что оно что-то приносит: либо плотское наслаждение (как, например, садисты), либо что-нибудь еще – "деньги, власть или безопасность". Но последние три – сами по себе злом не являются. По Льюису, зло – это всегда "благая цель, достигнутая несправедливыми средствами". Но поскольку "добро, так сказать, само по себе", в то время как "зло – это всего лишь испорченное добро", то отсюда следует, что двух равновеликих противоборствующих сил дуалистического мировоззрения существовать не может. Злая сила, Темная Сила, в которую твердо верил Льюис, на самом деле должна быть ничем иным, как ошибкой, искажением, а не самостоятельным и независимым началом.

Это же мнение, безусловно, является неотъемлемой составной частью всей мифологии Толкина.³ Но вот вопрос: как это древнее и мифологическое искажение повело бы себя в повседневной жизни? Вопрос этот весьма важен для практических целей, особенно для понимания мира, современного Толкину и Льюису. Значительная доля репутации Льюиса была заслужена им благодаря пронизательности его теологических рассуждений, объединяемых с тем, что можно было бы назвать «психопатологией повседневной жизни»⁴, примером этому могут служить *Письма Баламута* (кстати, эта работа была посвящена Толкину). Толкин не пытался состязаться с ним в этой области. Но если посмотреть на сугубо индивидуальные и вызывающие образы зла у Толкина (не только на отдельные отрицательные персонажи, такие как Саурон и Саруман, но и на собирательные образы, олицетворяющие зло, – орков, призраков и нежить), то можно заметить определенные параллели с Льюисом, несомненно общее для всех инклингов отношение к проблеме зла и даже аналогии со злом житейским.

Во всех шести орочьих беседах, представленных во *Властелине колец*, последовательно прослеживаются общие черты. В первую очередь, орков характеризует ярко выраженное чувство юмора. Едва ли не первое, что замечает Пиппин после попытки бегства в главе *Урук-хай* (в этой главе присутствует самый длинный из орочьих разговоров), – то, как высмеивают орки его неудачу. Им вновь смешно, когда Углук дергает его за волосы, поднимая на ноги, а желание Мерри уклониться от орочьего лечения вызывает у них радостный гогот. В разговоре они непрерывно отпускают острооты, начиная с угрозы желтозубого охранника – "Лежи смирно, а не то **пощечкою** тебя вот этим" (выделено мною – ТШ), – и вплоть до возгласов остальных воинов отряда – "не по вкусу наше лекарство", – или саркастического ответа Углука северным оркам – "Бежать дальше [...] а ты как думал? Усесться на травку и ждать пока белокожие присоединятся к пикнику?" (LotR, Book Three, 3). «Забава», «игра», «потеха» – обычные слова в устах орков.

Ближе к концу главы *Страна тьмы* приведена одна из характерных орочьих шуточек – пословица, перефразированная уруком, погонщиком рабов: "*«А ну, шустрей!» – гоготал он, стегая их по ногам. – «Где кнут, там и желание, бездельнички мои»*"* (LotR, Book Six, 2). Естественно, орочьи «потехи» как правило заключаются в пытках, их шутки агрессивно саркастичны, а наибольшую радость им доставляет лицезреть чьи-нибудь страдания или беспомощность – пусть даже и собственных собратьев, как например, «старого Уфтхака». Тем не менее, к сожалению, приходится признать, что все эти элементы – неотъемлемая часть и человеческого юмора в равной мере. Даже хоббитам этот юмор вполне понятен – настолько, что они порой вторят ему, как это с дерзостью делает Мерри: "*Привет, Пиппин! [...] И ты, поди, решил прогуляться с нами? Ну и где нам устроят ночлег и подадут завтрак?*" (LotR, Book Three, 3). Если оценивать допустимость юмора по некой шкале, то юмор орков располагался бы на самом нижнем уровне, если вообще не за ее пределами, но однако же сама шкала была бы единой для юмора как орков, так и людей. Иными словами, в соответствии с вышеприведенным мнением Льюиса, юмор орков по сути своей является хорошим свойством, хотя, подобно всем хорошим свойствам, он может быть извращен.

Орки с готовностью употребляют слово «добро». Например, урук, погонщик рабов сопровождает свою шуточку угрозой: "*доберемся до лагеря, там с вас за опоздание семь шкур спустят. То добре будет. Подзабыли, видать, что мы на войне?*" (LotR, Book Six, 2, выделено мною – ТШ). Или когда в главе *Урук-хай* мордорский орк Гришнах возвращается к отряду Углука, он также говорит, что хотя Угрук его заботит меньше всего, но "*с ним остались несколько бравых парней, жаль терять столь добрых друзей. Ты их точно до беды доведешь, вот я им на подмогу и пришел*" (LotR, Book Three, 3). Конечно, Гришнах лжет – он вернулся, чтобы отыскать Кольцо, – но это вполне характерный оборот речи орков, и далеко не всегда он лжив. На самом деле орки придают немалое значение выражению взаимного доверия и преданности. Слово «бунтовщик» в их лексиконе является оскорбительным. Его употребляет, к примеру, Шаграт по отношению к Горбагу в главе *Баишня Кирит Унгол*, и орк-воин называет так орка-ищейку в главе *Страна тьмы*. Демонстрируя образец своего рода преданности, Снага говорит Шаграту: "*Я защищал Баишню от этих вонючих моргульских крыс*" (LotR, Book Six, 1). Еще одно излюбленное слово у орков, подразумевающее крепкую мужскую дружбу – «парни». Горбаг предлагает Шаграту "*слиняем с тобой и обоснуемся где-нибудь на воле с несколькими преданными парнями*". "*Пусть парни позабавятся!*" – говорит Шаграт чуть ранее (LotR, Book Four, 10). Окруженный всадниками Рохана, Угрук сообщает своим воинам новость, о которой не подозревают их враги: "*в лесу Маухур со своими парнями, и они вот-вот должны появиться*" (LotR, Book Three, 3). Следует отметить, что хотя Горбаг и Шаграт вскоре перессорились, а их идеал «преданности» оказался пустословьем (Шаграт говорит: "*я ни одному из моих парней не верю, да и твоим не больше; даже тебе – ты совсем помешался на потехах*" (LotR, Book Four, 10)), но тем не менее, Маухур и его парни **и правду** внезапно появляются и предпринимают попытку спасти отряд Углука. Более того, для орков – скажем, лучших представителей этого народа, что могут быть среди них – переговоры – не пустой звук (глава *Хэльмово ущелье*), и они даже следуют правилам ведения войны – об этом свидетельствует их предупреждение: "*Спускайся, а не то подстрелим*" (LotR, Book Three, 7). В своей неоднократно повторяемой бравате – "*мы – боевые урук-хай*" – орки Сарумана демонстрируют чувство коллективной гордости. Хотя все орки, похоже, не брезгают человечиною, они не расценивают это как канибализм, но приберегают этот эпитет для тех орков, которые едят своих сородичей, отсюда гневная речь Гришнаха: "*Как вам это нравится, ребята? Вас обзывают свиньями подметалы грязного колдуньишки! А сами-то орочье мясо*

жрут, ручаюсь!" (LotR, Book Three, 3).

Нет нужды каждый раз указывать на то, что подобные высказывания орков постоянно опровергаются или высмеиваются, как в разобранный выше эпизоде с Уфтхаком. Суть остается неизменной: орки осознают понятие добродетели, ценят юмор, дорожат преданностью, верностью, сплоченностью коллектива, стремятся к более высоким идеалам, нежели их собственные, и осуждают тех, кто этим идеалам не следует. Итак, если орки знают, что есть добродетель, почему же они сами столь привержены злу? Данный вопрос настоятельно требует разрешения, поскольку поведение орков недвусмысленно вторит поведению людей. Последнее утверждение выводится как непосредственно из *Властелина колец*, так и находит подтверждение в принадлежащем перу Толкина *"весьма проработанном очерке о происхождении орков"*, опубликованном в десятом томе *Истории Средиземья*. Кристофер Толкин подытожил этот очерк следующими словами: *"орки были выведены из людей – эта точка зрения отца может показаться окончательной"* (HoME-10, Part Five, X). Характерно, что задолго до этого в *Хоббите* (Hobbit, 4) Толкин предположил наличие связи между гоблинами – персонажами этой сказки – и теми, кому человеческая история обязана своим технологическим «прогрессом»; и хотя он все больше внимания уделял роли орков в своих произведениях и перепробовал несколько вариантов толкования их происхождения, аналогия между этим народом и человечеством всегда четко прослеживалась.⁵ Слишком часто в начале XX века практически на любом европейском языке можно было услышать возглас урука, погонщика рабов, *"подзабыли, видать, что мы на войне?"* – большинство европейцев слышали его, каждый на своем языке. Но если поведение орков – это всего лишь преувеличенная форма узнаваемого человеческого поведения, остается вопрос: как же люди способны на такое?

Проблема искажения изначально благого, по-видимому была актуальной темой среди инклингов и рассматривалась, в первую очередь Льюисом, не только с точки зрения теологии или мифологии (как в книгах *Просто христианство* или *Властелин колец*), но также и в общечеловеческих терминах. И действительно порой кажется, что третий том *Космической трилогии* Льюиса (*Мерзейшая мощь*) в более реалистичной обстановке описывает все то же самое, что и Толкин в стиле фэнтези – можно даже сказать, что они делают это одновременно, поскольку хотя *Мерзейшая мощь* и вышла в 1945 году – на девять лет раньше *Властелина колец*, Льюис всегда был более скор на публикации, чем его друг, и обе работы созрели в один и тот же период, когда их авторы тесно общались.⁶ Например, в смерти материалиста Фроста (в конце шестнадцатой главы книги Льюиса) можно увидеть попытку описать некий процесс (происходящий с человеком), аналогичный превращению тролля в камень. А в начале шестой главы стиль речи Уитера, мрачного неверующего заместителя директора NICE (Государственного института координированных исследований), сильно напоминает язык Сарумана. Возвращаясь к оркам, в четырнадцатой главе романа Льюиса можно найти классический орочий диалог между двумя людьми, Леном и Сидом, которые преследуют медведя по кличке мистер Балтитюд. Они ищут животных для опытов в NICE, и хотя знают, что медведь чужой, и их посылали не за ним, все же усыпляют и похищают его. Их разговор в точности воспроизводит пустословие орков о содействии друг другу, скрывающее взаимное недоверие и страх, равно как и их мрачный саркастический юмор (хотя все это изображено не столь реалистично, как у Толкина, поскольку Льюис в своих книгах старался избегать грубых выражений): *"«Да уж, такого друга как ты поискать»*, – сказал Лен, *вынимая промасленный пакет* [Сид отказался отдать ему свой бутерброд в качестве приманки для медведя – ТШ]. – *«Скажи спасибо, что я не из тех, что стучат на товарищей»*. – *«Ага, как же, не из тех»*, – ответил водитель [Сид – ТШ]. – *«Знаю я твои маленькие забавы»*." Эти двое, рассуждающие о «дружбе», помяная при этом «маленькие забавы», очень похожи на орков, но понять их побуждения намного проще. По крайней мере, Сиду не

нравится то, что он делает – "Сматываться? [...] да я б даже в ад смотался, если б знал, как" – и молчаливый плевок Лена, по-видимому, указывает на его согласие и безысходность. Они оказались в положении людей, добровольно служащих злу, из-за собственной изначальной слабости или безысходности, подкрепленной страхом. Беспреданно тупо жонглируя практичными и ловкими словами, они пытаются сами себя уверить в том, что это состояние достаточно приятно, и уж точно вполне надежно. Гораздо подробнее этот процесс прослеживается в той же книге Льюиса на примере карьеры недалекого, но амбициозного университетского преподавателя Марка Стаддока (хотя Стаддок в конце концов все же спасается – в пятнадцатой главе, в сцене, которая также имеет толкиновский контекст).

В дальнейшем свою позицию относительно искажения Льюис развивает в работе *Расторжение брака*^{*}, относящейся почти к тому же периоду и впервые опубликованной в 1946 году. В ней Льюис рассматривает вопрос о сущности ада, которая с его точки зрения противоречит тезису о «зле» как всего лишь «испорченном добре». Ведь если все злые создания изначально таковыми не были, что, по словам Эльронда, относится даже к Саурону, справедливо ли осуждать их на вечные муки? Неужели не остается никакой возможности для их спасения? Толкин никогда не поднимал проблему поиска пути исцеления или «перевоспитания» орков, хотя осознавал ее (см. прим. 5) и немало времени уделил возможности исправления Голлума, Сарумана и даже Гримы Змиеуста. Льюис же в *Расторжении брака* рассматривает проблему правосудия непосредственно на примере ряда легко узнаваемых человеческих типажей (отмеченных, однако, ярко выраженным эгоцентризмом и нежеланием признавать свою изначальную ошибку): на Избалованном Поэте, Неверующем Епископе, Карлике-Актёре и других. Точка зрения Льюиса проста: эти люди осуждены на пребывание в аду не какой-либо внешней силой, а лишь их собственным эгоизмом. Двери ада на самом деле закрыты – но только изнутри.

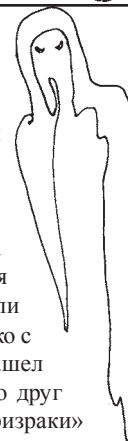
Эта тема была настолько важна для Льюиса, что он возвращался к ней во многих своих работах и заново переосмысливал ее. Нет оснований считать, будто Толкин всегда соглашался с ним или в какой-то мере заимствовал идеи из его книг. Однако частичные совпадения в работах этих писателей в 40-е и 50-е годы позволяют предположить, что они разделяли взгляды друг друга. Орошение поведение, неважно, у орков ли или у людей, произрастает не из перевернутой с ног на голову морали, рассматривающей зло как добродетель и *vice versa*^{*}, а из особой разновидности эгоизма, при которой идеалом поведения становится полное подражание и приверженность своим приятелям, но теряется способность верно оценить свое собственное поведение по общепринятой шкале. Второй корень такого поведения кроется в готовности мириться со злом, по крайней мере, до тех пор, пока оно имеет некое подобие шутки (об этом много говорится в одиннадцатом из *Писем Баламута*). Третий корень заключается в эффекте постоянного искажения языка. К этой проблеме Льюис также обращался неоднократно: в *Баламута* (в комментариях к работе о «Филологическом Оружии»), в двадцатой главе книги *За пределы безмолвной планеты* (в сцене, где аргументы Халдана о неизбежности прогресса оказывается невозможным выразить в общепринятых терминах), в кульминационном эпизоде *Мерзейшей мощи* (в переработанной версии мифа о Вавилонской Башне – "*Qui Verbum Dei contempserunt, eis auferetur autem Verbum hominis*" – "*У презревшего Слово Господа, отнято будет слово человеческое*"). Толкин в своих произведениях не изобразил негативные языки, но он затратил невероятные усилия, стремясь создать язык, который был бы эстетически и морально более привлекательным, нежели повседневный. Несомненно, он полностью разделял мнение Льюиса (и другого своего современника Оруэлла), согласно которому неразвитое мышление примитивизирует язык, а неразвитый или искаженный язык и пустословие почти неизбежно приводят к извращению мышления и оглуплению.^{**} С этой точки зрения неизменный сарказм орков представляется значимой и вовсе не случайной деталью.

Суммируя все вышесказанное, можно заключить, что в толкиновском представлении об

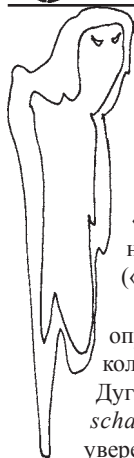
орках присутствует тщательно продуманный реализм (который гораздо более очевиден в льюисовской галерее жертв обмана и самообмана). Поведение орков – это человеческое поведение, а их неспособность оценивать свои поступки по своим же собственным моральным критериям – давно известная и большая тема.^{***} Орки и уподобившиеся им люди – это извечная проблема и извечный стереотип поведения. Поскольку слово «орк» по происхождению англо-саксонское (HoME-10, Part Two; Part Five, X), то и сами эти создания вполне могут иметь аналогию в древних эпических сказаниях или в волшебных сказках. Но во времена Толкина многим должно было казаться, что в мире появилась совершенно новая разновидность зла, которая также вела свое происхождение от извращения или искажения добра, но была более изощренной, привычной и угрожающей не только с точки зрения исследователей. Для этой разновидности зла Толкин также нашел подходящий образ и слова, и в этом ему в равной мере вторил и дополнял его друг Льюис. В результате вторым толкиновским собирательным образом зла стали «призраки» или «кольцепризраки».

Сам по себе этот образ поражает необычностью: ни в одном из ранних эпосов нет ничего подобного, даже в *Беовульфе*. И все же, как и с большинством других толкиновских персонажей, пролить свет на «призраков» позволяет поиск значений этого слова в *Оксфордском словаре английского языка (OED)*, над которым Толкин в молодости работал и с которым часто открыто либо молчаливо не соглашался. Статья «призрак» («wraith») в *OED* демонстрирует довольно характерное внутреннее противоречие. Значение 1, впервые зафиксированное в переводе *Энеиды*, сделанном Гэвином Дугласом в 1513 году, определяется следующим образом: «*видение или дух умершего; фантом или привидение*». Однако в качестве варианта b (вновь на основании цитаты из *Энеиды* Дугласа) *OED* предлагает иное определение: «*нематериальное или призрачное видение живого существа*». Так живы призраки или мертвы? Редакторы *OED* принимают оба варианта, и их нельзя в этом упрекнуть, поскольку данное противоречие содержится в исходном тексте. С другой стороны, *OED* ничего не сообщает об этимологии этого слова, ссылаясь на его «*неясное происхождение*», а такого рода загадки неизменно привлекали внимание Толкина [Дорога в Средьземелье, Ch. 3 и passim]. Похоже, что на создание толкиновского образа «призраков» оказали определенное влияние как смысловая противоречивость, так и неясность происхождения этого слова: Толкин объединил первые и нашел объяснение для второго.

Разбирая этимологию этого слова, любой специалист, обладающий уровнем знаний Толкина, первым делом несомненно рассматривал бы слово «wraith» («призрак») как шотландскую форму англо-саксонского слова «wridan» – «to twist» («скручивать, влетать»), или «to writhe» («корчиться, извиваться»). Если бы этот глагол целиком сохранился в современном английском языке, то спрягался бы по той же схеме, что и глаголы «ride» или «write», основные формы его выглядели бы как «writhe – wrothe – writhen», по аналогии с «ride – rode – ridden», «write – wrote – written». Этого не произошло. Однако от глаголов подобного типа обычно происходят имена существительные, близкие им по смыслу, но с заменой гласного, как например, существительное «road» («дорога»), произошедшее от «ride» («ехать верхом»), или «writ» («приказ») от «write» («писать»). В *OED* упоминаются два существительных, по всей видимости, произошедшие от глагола «writhe» – «wreath» («венок») и «wrath» («гнев, ярость»). Происхождение первого из них вполне очевидно (нечто сплетенное или скрученное). Второго – сложнее, но если провести параллель, например, с древнеанглийским словом «gebolgen», «раздувшийся от злости», происходящим от того же глагола, что и существительное «belly» («живот»), то получается, что ярость является «скручивающей» эмоцией, точно так же как злорада – «раздувающей». Может ли слово «призрак» («wraith») не быть однокоренным с «writhe» («корчиться, извиваться»)?⁷ Вывод

о том, что Толкин считал именно так, можно сделать на основании слова, употребленного Леголасом в главе *Кольцо уходит на юг*. Попытка отряда перейти Карадрас сорвана снегопадом и разбушевавшейся стихией, и Лэголас уходит, чтобы разведать путь к отступлению. Он возвращается с известием, что сугробы кончатся совсем близко, но все же не приводит за собой солнце: *"оно бродит в голубых полях юга, и крошечный снежный венок (wreath) на этом бугорке, что зовется Красный Рог, нисколько его не тревожит"* (LotR, Book Two, 3). Под словом «венки» Лэголас, несомненно, подразумевает что-то наподобие «дымки», нечто почти неосознаваемое, и хотя в *OED* об этом не говорится, но подразумевается, что «призрак» («wraith») – это видение тумана, дымки, венки снежинок.

Таким образом, призрак не обязательно «нематериален», скорее, это нечто, определяемое не столько своею сущностью, сколько очертаниями (жгут, спираль, кольцо). В этом отношении они подобны теням, и действительно цитата 1b из Гевина Дугласа предлагает два альтернативных термина – *"призрак или тень"* ("wraith or schaddo") Энея. И поскольку сущность их недостаточно ясна, то невозможно с уверенностью сказать (в соответствии с *OED*), живые они или нет. Толкин все это учел, и почти ничего не добавил – хотя кольцепризраки упоминаются в тексте *Властелина колец* примерно тридцать-сорок раз, фактически о них мало что известно. Гандалв рассказывает, что когда-то они были людьми, которым Саурон раздал кольца, и этим *"заманил их в ловушку [...] Давным-давно подпали они под власть Единого [Кольца - ТШ] и стали кольцепризраками, тенями под Великой Тенью, самыми ужасными из его слуг"* (LotR, Book One, 2). Предводитель назгул, как мы узнаем много позже (в главе *Осада Гондора*), был когда-то королем-чародеем Ангмара, государства, которое было уничтожено свыше тысячи лет назад (LotR, Book Five, 4). Следовательно, он должен быть мертв, но, несомненно, так или иначе жив и благодаря этому четко позиционирован между двумя значениями слова «wraith», указанными в *OED*. Кроме того, он, подобно тени, в некотором смысле нематериален, поскольку когда в конце главы *Осада Гондора* он откидывает капюшон, оказывается, что под ним ничего нет, хотя и должно быть что-то, ибо *"на нем была королевская корона; но головы под нею видно не было"* (LotR, Book Five, 4). Он и его собратья могут совершать физические действия, ездят на лошадях или крылатых тварях, носят стальные мечи, предводитель назгул вооружен палицей. Но физический урон им причинить невозможно – бессильны наводнение и оружие – за исключением, пожалуй, лишь клинка Запада, принадлежащего Мерри. На этот клинок наложены заклинания, предназначенные для борьбы с Ангмаром: именно они, а не сам клинок, действуют на призрака. Стало быть, кольцепризраки имеют нечто общее с туманом или дымом – нечто телесное, даже опасное или ужасное, но в то же время реально неосознаваемое.

Однако ни одно из этих этимологических рассуждений не помогает разрешить наиболее важные вопросы в концепции кольцепризраков: как превращаются в призрака, что подразумевает этот процесс, и о чем он заставляет задуматься? Вероятно, и сам Толкин далеко не сразу нашел ответы на эти вопросы. Кольцепризраки или Черные Всадники много раз появляются в первой книге, а также в первой главе второй книги *Властелина колец*, но их образы не выглядят достаточно проработанными, и они не вступают с прочими персонажами в физический контакт, кроме как в сцене нападения на Амон-Сул. Трижды они сталкиваются с хоббитами и людьми – с папашей Гэмджи, с фермером Мэгготом, с Барлиманом Баттербуром*, – и не используют никаких хитростей, чтобы получить от них информацию. Несколько раз мы видим их принимающими или крадущимися подобно теням или привидениям. Нападая на дом в Бакланде или на трактир в Бри, они действуют подобно обычным людям. Во всем *Братстве кольца*, помимо сцены на Амон-Сул и разъяснений Гандалва насчет моргульского кинжала (в главе *Встреча за встречей*), лишь из краткого рассказа Боромира о кольцепризраках в главе

Совет Эльронда можно получить некоторое представление об их сущности и оказываемом воздействии, о котором в дальнейшем будет сказано немало.

Боромир говорит, что поражение Гондору в Итилиэне враги нанесли не числом, а "силой, о которой мы доселе не ведали"; Боромир описывает ее как "огромного черного всадника, темную тень под луной", но добавляет, что где бы тот ни появлялся, "наши враги становились одержимыми, а самыми отважными из нас овладевал ужас" (LotR, Book Two, 2). В первую очередь именно такое воздействие характеризует призраков с момента их повторного появления (теперь уже в небе, на крылатых тварях) после того как отряд покидает Лотлориэн. Далее во *Властелинах колец* неоднократно описывается, как назгул проносятся над кем-нибудь в вышине: над Сэмом и Фродо, над Гондором, над всадниками. И почти во всех этих сценах присутствуют одни и те же элементы: тень, жуткий вопль, стынувшая в жилах кровь и ужас. Характерен, например, эпизод в главе *Осада Гондора*, когда Пиппин и Бэрэгонд слышат Черных Всадников и видят их, атакующих Фарамира: "Внезапно они онемели и застыли, словно обратившись в камень. Пиппин сполз на пол, зажав руками уши, но Бэрэгонд [...] стоял в замешательстве, с широко раскрытыми глазами. Пиппин узнал этот леденящий вопль, слышанный им уже однажды: именно он когда-то донесся до его слуха у Мариша в Шире, мощь этого крика настолько возросла и он исполнился такой ненависти, что пронзал сердце ядовитым отчаянием" (LotR, Book Five, 4). Последнее слово в приведенной цитате – ключевое. По мере развития сюжета *Властелина колец*, становится ясно, что хотя кольтипризраки имеют физическое воплощение, основное их оружие – психологическое: они обезоруживают свои жертвы, поражая их ужасом и отчаянием.

Эта концепция вызывает определенные ассоциации. В XX веке многие, в том числе и писатели, совершенно не схожие ни с Толкином, ни друг с другом, например Александр Солженицын и Уильям Голдинг, были озадачены и даже поражены странной пассивностью Западного мира (с этой фразой Толкин согласился бы) перед лицом смертельной угрозы, исходящей с востока. Целые сообщества подобно лунатикам одни за другими шли к гибели, отказываясь даже думать о сопротивлении, когда оно еще было вполне возможно.⁸ В состязании сильного и слабого слабый (призрак) часто одерживает верх. Данная мысль имеет некоторую связь с предположениями о том, как становятся призраками. Это может стать результатом внешнего разрушительного воздействия: как указывает Гандалв, если бы обломок моргульского кинжала не удалили из тела Фродо, хоббит "стал бы призраком, подвластным Темному Властелину" (LotR, Book Two, 1). Но более вероятно, что люди сами превращают себя в призраков. Начинают они с благих намерений; они принимают от Сауруна кольца (как сказал бы Льюис), не давая «злу» каких бы то ни было обязательств, а лишь с намерением использовать эти кольца ради целей, которые в сущности являются хорошими – для достижения власти, безопасности или знания. Но потом они становятся неразборчивыми в средствах, устраняют противников, свято верят, что благая «цель» оправдывает любые их действия, как это неоднократно происходило на протяжении XX столетия в реальной жизни и отразилось в литературе. Зрелище личности, пожираемой ее собственной целью, делает назгул вполне правдоподобными.

Похоже, что Льюис в *Мерзейшей мощи* развивал концепцию призрака в более реалистичной форме, но почти наверняка под влиянием Толкина. Эта концепция, подобно многим другим, рассматриваемым в данном исследовании, наверняка неоднократно обсуждалась в беседах инклингов. Один из персонажей книги Льюиса, Уитер, заместитель директора NICE, несомненно является именно таким «призраком». На обычном уровне восприятия Уитер – не более чем бюрократ, образ весьма характерный для XX века. Его речь замысловата, не лишена изящества, но крайне уклончива. Он виртуозно умеет достигать поставленной цели и

подталкивать слабовольных людей вроде Марка Стаддока к краю гибели, не связывая себя при этом никакими обязательствами. Спорить с ним бесполезно, поскольку он никогда не высказывается по существу и делает вид, что не помнит ничего из того, что говорил прежде. Работникам крупных учреждений это достаточно хорошо знакомо. Но на субреалистическом уровне Уитер предстает как нечто весьма напоминающее призрака. В кульминации девятой главы, когда Марк Стаддок принимает решение подать в отставку и уйти из NICE, он входит в кабинет заместителя директора без приглашения. Сперва ему показалось, что перед ним труп, но Уитер дышит, он даже бодрствует и не теряет сознания. Он словно пребывает в ином мире: *"Казалось, что из этих бледных водянистых глаз глядела сама бесконечность – бесформенная и вечная. В комнате было тихо и холодно: часы не шли и камин погас. Говорить о чем-то с подобной личностью не представлялось возможным"* [That Hideous Strength, 9]. Уитер приказывает Стаддоку удалиться, нервы у того сдают, и он убегает. Но едва выйдя за территорию института, он видит перед собой *"высокую, очень высокую, слегка сутулую фигуру, бредущую по дороге и что-то мрачно бормочущую; это был сам заместитель директора"* (там же). При виде его Стаддок неожиданно теряет все свое мужество и возвращается назад, к рабству и потере собственной личности. То, что он видел, было призраком во втором значении этого слова (по OED) – «видение» или «фантом» живого существа. Но Уитер совмещает в себе и остальные свойства призрака: он пребывает где-то между жизнью и смертью; он одновременно может быть и реальным и нематериальным; если вы его видите, вы не знаете, он ли это на самом деле; он вызывает некое экзистенциальное отчаяние; наконец, он изъеден собственной работой и своим профессиональным бюрократическим «идиолектом».

Во *Властелине колец* нет ни одного персонажа, который соответствовал бы Уитеру, личность, похожая на него, в Средиземье была бы аномалией. Тем не менее, используя толкиновский термин из *Предисловия* ко второй редакции *Властелина колец* (LotR, Foreword), можно сказать, что уитеры нашего мира и кольцепризраки имеют некоторую «применимость» друг к другу. Интересен в этой связи образ Сарумана: стиль и манера его речи приближаются к бюрократическим, так что самого его можно воспринимать как находящегося на стадии превращения в кольцепризрака. Когда в конце главы *Очищение Ши́ра* он погибает, его «околопризрачная» сущность проявляется как *"серый туман"*, обволакивающий его тело. Поднимаясь *"подобно дыму"*, он *"рассеивается"*, и остается лишь труп, сморщенный *"долгими годами смерти"* (LotR, Book Six, 8). На самом деле он давным-давно уже мертв, но не осознавал этого сам. Нечто подобное можно сказать и об истощенном Голлуме, но не только о нем – многие из персонажей *Властелина колец* проявляют первые признаки превращения в призрака, либо опасаются этого: Бильбо (с его вспышкой гнева по отношению к Гандалву), Фродо (начавший становиться «прозрачным»), да и сам Гандалв (отказывающийся даже прикоснуться к Кольцу). Процесс превращения в призрака для Толкина фантастичен, для Льюиса колеблется между фантазией и реализмом, но большинство людей с солидным опытом в области «психопатологии повседневной жизни» с легкостью могут представить его себе в нефантастическом виде.

Христиане считают, пишет в конце своего двенадцатого письма Баламут, что без Бога *"ничто не имеет силы"*. Обыгрывая это высказывание, Баламут утверждает, что они и сами не подозревают, какая истина скрыта в их словах: на самом деле *"«ничто» имеет огромную силу – достаточную для того, чтобы незаметно украсть лучшие годы человека и отдать их даже не услаждающим грехам, нет, а тоскливому трепыханию ничемных мыслей, утолению любопытства столь слабого, что человек едва осознает его [...] или длинному, туманному лабиринту мечтаний, лишенных даже страсти или честолюбия, которые могли хотя бы как-то приукрасить их"* [The Screwtape Letters, 12]. Или, мог бы добавить он, просмотру дневного телеэфира. Когда на подходе к Амон-Сулу Фродо в шутку

предполагает, что если он и дальше будет питаться столь же скудно и продолжать худеть, то вскоре сам "*станет призраком*", он говорит об ужасе, далеко выходящем за пределы Средиземья. И нет ничего странного в том, что Бродяжник "*с удивительной серьезностью*" упрекает его за легкомысленные слова (LotR, Book One, 11). Если кому-то захочется прочесть автобиографию призрака, живущего где-нибудь между средневековой аллегорией и современным офисом, классическим ее примером служит (или мог бы служить) роман Гена Вольфа *Форлесен*, иронический рассказ о Дне Труда*. Сравнение творчества Толкина, Льюиса и Вольфа показывает, что одна из основных функций литературной фантазии в современном мире состоит в том, что на самом деле она обращается к таким важным проблемам современности, как нудная работа, скука, отчаяние и бюрократизм, что очень часто является тайной за семью печатями для подавляющего большинства авторов, не имеющих реального опыта работы.

Итак, орки и призраки имеют одно общее качество: и в тех, и в других, если приглядеться, можно заметить некий едва уловимый элемент извращенного добра, зла, являющегося результатом ошибки или же коварства. Ни тот, ни другой образ не противоречат ортодоксальной, антиманихейской, льюисовской/боэцианской точке зрения на зло как отсутствие добра, а вовсе не независимую силу или «могучего недруга»**. И все же толкиновское воображение было в некотором отношении шире, чем воображение Льюиса, и в меньшей степени подвержено абстрактным философским рассуждениям. Во *Властелине колец* присутствует еще один характерный образ зла, который целиком ставит под сомнение вышеприведенный тезис – это «курганная нежить». Она появляется в повествовании лишь однажды, и на самом деле является пережитком того периода, когда у Толкина еще не сложился замысел *Властелина колец* [Дорога в Средиземье, Ch. 4]. Этот образ можно было бы не принимать в расчет, расценив просто как аномалию, но учитывая все рассмотренные детали, это слишком настораживающая аномалия.

В главе *Мгла над курганами* четверо хоббитов пойманы курганной нежитью, облачены в белые саваны и расprostерты на полу могилы среди "*множества сокровищ*"; поперек их шей (кроме Фродо) лежит меч; затем появляется длань нежити и тянется к мечу, с очевидным намерением свершить некое жертвоприношение; Фродо отрубает эту руку и призывает на помощь Тома Бомбадила, который изгоняет нежить и пробуждает остальных трех хоббитов. Едва очнувшись, Мерри восклицает: "*Ночью напали люди Карн Дума и разбили нас. Ах! Копье пронзило мне сердце!*" (LotR, Book One, 8). Несколько дорогих вещей, хранившихся в кургане, Том раздает хоббитам, большую же часть оставляет на траве, чтобы разрушить наложенные на них чары, а одну брошь берет для Златеники: "*Встарь красавица ее на плече носила. Златенике пусть о ней брошь напоминает!*" (там же).

Некоторая загадка кроется уже в вышеприведенном пересказе. Наиболее просто проследить этимологию термина «курганная нежить» («Barrow-wight») от древненорвежского «*draugr*», или «*drow*» в более позднем оркнейском диалекте, что означает «привидение» или «оживший труп», который возвращается в курган, где был похоронен, в первую очередь, к сокровищам, зарытым в нем. Но эти сокровища, описанные во *Властелине колец*, не могут иметь отношения к нежити. Очевидно, что они принадлежали "*людям Запада*", как их называет Том. Он доброжелательно вспоминает об этом народе и именно поэтому берет брошь для Златеники. Люди Запада, между тем, были врагами Карн-Дума, страны, где правил король-чародей, ставший впоследствии предводителем назгул. Пока Мерри спал, в него, похоже, вселился дух одного из людей Запада, и после пробуждения он пережил его предсмертную агонию. Нежить же, как видно, не происходит от людей, похороненных в кургане, и похоже, что ее действия – это попытка так или иначе возродить некий древний ритуал победителей – преобразить хоббитов в людей, похороненных в кургане (переодев их в старинные одежды и украсив драгоценностями), а затем заново убить их. Но все это никак не объясняет, откуда взялась сама нежить.

Как это нередко бывает у Толкина, подобная загадка встречается и в *Беовульфе* (строки 2233-2277), где повествуется о том, как в давние времена последний отпрыск некоего знатного рода спрятал клад в земле кургана (*«beorh»*). Затем он умер – "смерти поток в его хлынул сердце", и – без всякого перехода продолжает поэма – клад, "незарытым оставленный" (*"opene standan"*), достался дракону. В *Беовульфе* этот фрагмент выглядит лишенным смысла, поскольку главная цель захоронения сокровища, естественно, заключается в том, чтобы спрятать его, а не оставлять незарытым. Отсюда многие делают вывод, что Последний Отпрыск и дракон – одно и то же лицо. Подобно многим героям норвежских саг, и подобно Юстасу Скраббу в книге Льюиса *Плавание «Утреннего Странника»*, Последний Отпрыск "возлег на свое золото" и превратился в дракона. Если принять эту гипотезу и для *Властелина колец*, то можно было бы предположить, что нежить на самом деле является духом неумершего тела или заживо погребенным телом одного из "людей Запада", нашедших могилу в кургане. Но из этого предположения следовало бы, что враг Темного Властелина превратился после смерти в одного из его союзников, если не слуг – возможно, озлобленный и растленный веками алчности и одиночества. С другой стороны, не исключено, что автор *Беовульфы* все же изложил все события своего повествования правильно: сокровище было спрятано, но курган остался открытым, и лишь затем в нем поселилось нечто, явившееся извне, из мест, в которые его вновь изгоняет Том Бомбадил – "где для всех врата закрыты, до исцеления мира" (LotR, Book One, 8). Но и эта точка зрения содержит внутреннее противоречие, поскольку на той же странице Том пробуждает хоббитов следующими словами: "Двери тьмы отворены [...] и врата открыты". Врата, возможно, открыты для хоббитов и заперты для нежити, то есть закрыты все же не "для всех". Таким образом, имеется два противоречивых предположения. Первое, что нежить действительно является «drow» – привидением, драконом или духом похороненного человека; но отсюда следует, что добро можно обратить во зло даже после смерти, как в некоторых классических мифологиях, согласно которым считается, что все мертвецы ненавидят живых, даже ближайших родственников, из одной лишь зависти к живущим.⁹ Либо же второе: нежить – это чужеродная сила, возможно, созданная чародейством Ангмара, пришедшая в курган; в этом случае оказывается, что свои жертвы она способна преследовать и за пределами могилы, чтобы отомстить человеку, дух которого на короткое время возродился в Мерри. Каждая из этих точек зрения имеет свои недостатки, но обе они свидетельствуют о том, что не все в произведении Толкина соответствует льюисовской или боззианской философии. Добро может быть всемогущим, но по определенным причинам далеко не всегда вмешивается в ход событий.

А между тем (возможно, уже на протяжении тысячелетий) люди и хоббиты обитают по сути дела в манихейском мире, в котором для того чтобы стать жертвой зла, не обязательно носить его семя в своем сердце, и в котором "Ничто обладает силой" – такой, что не снислась и Баламуту. Этот мир, увы, – реальный мир XX века, в нем-то и выпало жить самому Толкину. В течение этого века многое из того, что представлялось абсолютно невыносимым вследствие «прогресса цивилизации», неизменно ставило оптимистов в тупик: санкционированные государством пытки, лагеря смерти, геноцид, «этнические чистки». Казалось бы, все это выглядит как дело рук «орков», но очевидно, что планировали эти действия «призраки». И одна из ключевых идей Толкина, которую он подчеркивал вновь и вновь, – никто не застрахован от перспективы превращения в «призрака» – это один из тех моментов, которые ни один, даже наиболее *bien pensant*^{*} критик, не может позволить себе игнорировать. Относительно логичным был бы аргумент в пользу того, что если Толкин (и Льюис) хотели изобразить в своих произведениях какие-либо определенные моменты реальной жизни, то их следовало бы поместить в контекст нашей современности, не пряча под маской или, по мнению некоторых, безумием фэнтези. На это можно ответить, что тема происхождения зла – одна из тех, которые их современники, включая наиболее выдающихся (Оруэлл, Голдинг, Воннегут, Ле-Гуин, Т. Уайт), были в состоянии отражать

лишь посредством того или иного нереалистического жанра.¹⁰ Трудно сказать, с чем это связано, но прослеживаемая закономерность позволяет предположить, что фантастический элемент при анализе данной проблемы отнюдь не прихоть – он неизбежен.

Более того, почти не вызывает сомнения то, что причина притягательности произведений Толкина для многих читателей заключается не только в склонности к причудливым фантазиям, но и в понимании, что в книгах его поднимаются серьезные проблемы, требующие отклика, на который вряд ли способны официальные представители современной ему или нам культуры. На протяжении большей части профессиональной и творческой жизни Толкина в литературной общественности Англии доминировали такие группы, как «Блумсберри», сформировавшаяся вокруг Вирджинии Вулф, Е. М. Форстера и Бертрана Расселла, или «Сонненкиндер» Ивлиана Во. Они разрабатывали собственные темы и имели неоспоримые достоинства, но на вопрос, что читатель может почерпнуть у них по проблеме происхождения зла или, допустим, о балансе между свободой и ответственностью в политической власти, ответом было бы: «совсем немного».¹¹ Считается, что одна из наиболее очевидных особенностей всех этих писателей заключается в тщательном исследовании личной морали. Однако же те читатели, которым недоступна роскошь иметь солидный личный доход, «собственный угол», получить освобождение от воинской повинности или возможность избежать таких политических альтернатив, как служба (или отказ от службы) во Вьетнаме, закономерно находят в произведениях Толкина сплав личной и общественной морали, который привлекает их внимание, а подчас и побуждает подражать им. То, что Толкин в сущности создал новый массовый литературный жанр, эпическую фэнтези, не случайно; не случайно и то, что его книги берут с собой на баррикады, их читают протестанты в Англии, поклонников его творчества можно найти на просторах южных морей и в России, равно как и по всему миру.¹² Размышления Толкина и его друзей о природе и источниках зла в те времена могли бы показаться заумными или даже атавистическими, но они соединяли фантастические гипотезы с разносторонним и тяжелым жизненным опытом, а также, несомненно, были строго реалистичными, чего никак нельзя сказать о работах более профессиональных и более обеспеченных философов, не говоря уже о психологах. Безусловно, привлекательность Средиземья основана на его пейзажах, персонажах, возрожденном романтизме; но этот мир был бы слишком примитивным (как это зачастую бывает в книгах некоторых, хотя и не всех, подражателей Толкина) без воодушевляющих тем власти, зла и искажения. Саурон и кольцепризраки, Большой Брат и Партия, свиная голова и мальчишки-хористы – все это ярко очерченные образы зла – совершенно оригинальные, весьма разнообразные, но до странности закономерные – для культуры и века, которые слишком тесно сталкивались со злом, чтобы его более традиционные образы все еще могли считаться полностью адекватными.

Примечания

1. Более подробный комментарий на эту тему см. в книге *Дорога в Средьземелье*, Ch. 5.
2. Кроме приведенных ниже цитат, см. например, короткую статью Льюиса *Зло и Бог* в книге *Бог под судом: Эссе по теологии и этике*. Мнения Толкина и Льюиса относительно приемлемости возрождения некоторой вариации манихейства были довольно близки, см. Толкин, *Беовульф: чудовища и критики* (Эссе 26).
3. Разница между доброй и злой сторонами во *Властелине колец* и убедительное опровержение обвинений в том, что они взаимоподобны, лучше всего представлены в рецензии У. Х. Одена (1956) и в его же статье (1968).
4. Данное выражение заимствовано из книги Зигмунда Фрейда *Zur Psychopathologie des*

- Alltagslebens*. Эта книга в качестве руководства по событиям повседневной жизни воспринимается почти как пародия. Льюис во многих своих работах обращал внимание на неадекватность точки зрения Фрейда на природу человеческого зла (в повседневной жизни).
5. Изменение точки зрения Толкина на происхождении орков можно проследить в нескольких текстах, особенно в *Письмах* (№№ 153, 269) и в *HoME-10* (Part Two; Part Five). Из кого они были выведены, из эльфов или из людей? Могли ли они скрещиваться с людьми? Как они размножались? Были ли они «смешанного происхождения»? Могли ли некоторые из них вести свое происхождение от майар? Толкин так и не смог разрешить эту дилемму: с одной стороны, неспособность зла (Мэлькора и Саурана) к творению, навязанная Толкину льюисовской ортодоксальной аргументацией, суммированной выше, подразумевает, что орки должны быть искажением каких-то существ, жавших ранее; но если это так, то, с другой стороны, они теоретически не могут являться «неисправимыми», сколь бы маловероятно это ни показалось, хотя по-видимому такое исправление не во власти эльфов или людей (HoME-10, X). Более подробно см. в книге *Дорога в Средьземелье* (Ch. 7).
 6. Первый том *Космической трилогии* (*За пределы безмолвной планеты*) был опубликован в 1938 г., а третий том (*Мерзейшая мощь*) – в 1945 году. В 1955 году Льюис опубликовал сокращенный вариант *Мерзейшей мощи*, в котором отсутствуют некоторые их процитированных здесь фрагментов.
 7. Поскольку это слово встречается в ранних шотландских текстах, оно скорее всего происходит от прошедшего времени древнеанглийского глагола *wrād*. В современном английском она дала бы форму *wrothe, но в шотландском и северном английском диалектах древнеанглийское долгое -á не переходило в -ó, результатом чего стали такие дубликаты, как «home (нормативный)/ hame (северный)», или «stone (нормативный)/ stane (северный)». Образованное Гэвином Дугласом от *wrīdan* слово «wraith» («призрак») в таком случае было бы точной параллелью образованному от *ridan* слова «raid» (которое было введено в нормативный английский язык из шотландского Вальтером Скоттом). Его этимология в точности соответствует этимологии нормативного слова «goad», и оба они происходят от древнеанглийского «*wrād*», так же, как (на мой взгляд) «wraith» от «*wrād*».
 8. Солженицын размышляет над пассивной покорностью людей, которые не оказывали сопротивления при аресте, в книге *Архипелаг Гулаг* (Часть I, 1); героя же Голдинга в *Повелителе мух*, Ральфа, характеризует отнюдь не нехватка храбрости, а лишь недостаточная агрессивность: именно его пассивность приводит к смерти Пигги. Подобные параллели могут быть проведены и с другим послевоенным периодом (*Повелитель мух*, как и первый том *Властелина колец*, был опубликован в 1954 году) – с развалом Лиги Наций двадцатью годами ранее.
 9. Льюис вложил это верование в уста Нелюдя в тринадцатой главе второго тома *Космической трилогии* (*Переландра*). Кстати, этого Нелюдя также можно воспринимать как вариант «призрака». Тело ученого Уэстона, вне сомнений, во власти дьявола, но иногда (как в главе 13) он становится самим собой; хотя это может быть и всего лишь уловка либо только «предсмертная психическая энергия» наподобие той, что возродилась на какой-то миг в Мерри.
 10. Взаимосвязи между творчеством некоторых из упомянутых здесь литераторов рассматриваются в моей статье *Толкин как послевоенный писатель*.
 11. Можно, например, прочесть от начала до конца осыпанную похвалами и амбициозно озаглавленную работу Г. Е. Мура (возглавлявшего группу «Блумсберри»), *Principia Ethica* и не найти в этом исследовании, претендовавшем на лидерство в XX веке, ничего, что имело бы практическое применение. Термин «Сонненкиндер», между тем, я позаимствовал из сделанного Мартином Грином описания цикла произведений Во *Дети Солнца*.

Взаимоотношения между инклингами и группой «Блумсберри» еще предстоит изучить, но установлено, что Льюис по крайней мере полемизировал с несколькими ее членами (Форстером и Расселлом) в ряде своих работ.

12. Упор на это делается в работе Патрика Карри *Оборона Средиземья*, особенно на с. 54-56.

Литература

- Auden W. H. At the End of the Quest, Victory.// New York Times Book Review, 22 Jan. 1956. – p. 5.
 Auden W. H. Good and Evil in *The Lord of the Rings*.// Critical Quarterly, 1968, N10. – p. 138-142.
 Curry P. Defending Middle-Earth: Tolkien, Myth and Modernity. – New York: St. Martin's, 1997.
 Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens. – Karger: Berlin, 1904.// Trans. Alan Tyson. The Psychopathology of Everyday Life. – New York: Norton, 1965.
 Golding W. Lord of the Flies. – London: Faber and Faber, 1954.
 Green M. Children of the Sun: a narrative of «decadence» in England after 1918. – New York: Basic Books, 1976.
 Lewis C. S. God in the Dock: Essays on Theology and Ethics.// Ed. Walter Hooper. – Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1970.
 Lewis C. S. The Great Divorce. – New York: Macmillan, 1946.
 Lewis C. S. Mere Christianity (rev. ed.). – London: Collins/Fontana, 1952.
 Lewis C. S. Out of the Silent Planet. – London: Bodley, 1938.
 Lewis C. S. Perelandra. – London: Bodley, 1943.
 Lewis C. S. The Screwtape Letters. – New York: Macmillan, 1943.
 Lewis C. S. That Hideous Strength: a Modern Fairy-tale for Grown-ups. – London: Bodley, 1945.
 Lewis C. S. The Voyage of the Dawn Treader. – London: Geoffrey Bles, 1952.
 Moore G. E. Principia Ethica. – Cambridge: Cambridge UP, 1903.
 Shippey T. A. The Road to Middle-earth. – New ed. London: HarperCollins, 1992.
 Shippey T. A. Tolkien as a Post-War Writer.// Scholarship and Fantasy: The Tolkien Phenomenon.// Ed. Keith J. Battarbee. – University of Turku Press: Turku, 1993. – p. 217-36.// Reprinted in: Proceedings of the J.R.R. Tolkien Centenary Conference. 1992.// Ed. Patricia Reynolds and Glen H. GoodKnight. – Milton Keynes: Tolkien Society and Altadena: Mythopoeic Press, 1995. – p. 84-93.
 Solzhenitsyn A. The Gulag Archipelago.// Trans. Thomas P. Whitney. – Glasgow: Collins/Fontana, 1974.
 Wolfe G. Forlesen.// Gene Wolfe's Book of Days. – Garden City, NY: Doubleday, 1981.

Примечания перевозчиков

- 1* Shippey T. A. Orcs, Wraiths, Wights: Tolkien's Images of Evil.// J.R.R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth.// George Clark, Daniel Timmons (eds.) – Greenwood Press: Westport, CT, 2000. – pp. 183-198.
 2* Слова орка-погонщика "where there's a whip there's a will" представляют собой перефразированную пословицу "where there's a will there's a way" – "где желание, там и умение". – Прим. перев.
 3* В *Расторжении брака* Льюис полемизирует со взглядами известного британского поэта и философа XVIII-XIX вв. Уильяма Блейка, выраженными в поэме *Бракосочетание Рая и Ада*. – Прим. перев.
 4* vice versa (лат.) – и наоборот. – Прим. перев.
 5* Косвенное подтверждение данному выводу содержится в тексте *Ламмас*, повествующем, в частности, об орквине (*Orquin*) – самом первом из языков, на котором говорили орки. Мэлькор создал этот язык на основе валарина и обучил ему своих рабов: "он намеренно извратил речь, которой обучил их, и, как и во всем остальном, обратил ее ко злу, и язык орков был скверен и отвратителен, и совершенно не походил на языки квэндри" (HoME-05, Part Two, V). Вполне возможно, что орквин был одним из элементов того воздействия, с помощью которого Мэлькор искажал захваченных эльфов, возвращая орочий народ. – Прим. перев.
 6* Действительно, в тексте *Новая тень* (HoME-12, Part Four, XVI) Толкин сравнивает с орками детей, которые швыряются неспелыми яблоками и ломают ветви деревьев ради забавы. – Прим. перев.
 7* Четвертый раз – с Мериадоком Брендибаком около трактира в Бри. – Прим. перев.
 8* День Труда – праздник, отмечаемый в США в первый понедельник сентября – Прим. перев.
 9* Цитата из *Гамлета* (акт V, сцена 2): "Between the pass and fell incensed points/ Of mighty opposites". В переводе М. Лозинского: "Меж выпадов и пламенных клинков/ Могучих недругов". – Прим. перев.
 10* bien pensant (фр.) – доброжелательный. – Прим. перев.
 * На самом деле *wrād* – это форма прошедшего времени древнеанглийского глагола *wrīdan*. – Прим. перев.

Кестебрин

В данной статье вниманию читателя будет представлено одно из мнений в «вечном споре» о Пробуждении Эльфов и первых годах их истории. Серьёзным подспорьем в рассмотрении указанного вопроса может служить идея власти у Квэнди, поэтому первая часть данной статьи будет содержать базовые сведения о правителях эльфов и членах их семей в рассматриваемый период времени, то есть констатацию фактов, известных нам из разных текстов. Вторая часть – возможное развитие событий в период от Пробуждения до Похода (то есть, в отличие от первой, будет содержать только один из возможных взглядов на проблему). В первую очередь, определимся с терминологией: эльфы, которые проснулись у вод Куйвиэнена, будут именоваться Пробудившимися, а все их потомки – Рождёнными. Слово «год» обозначает валинорский год, если не указано иное.

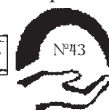
Далее необходимо определиться с методологией исследования. К сожалению, все данные о Пробуждении содержатся в текстах, опубликованных после смерти Дж.Р.Р. Толкина, поэтому применение канонистского подхода с жёсткой иерархией источников будет неоправданным. В связи с этим, я исхожу из «синтетической» (условно назову её так) методологии, которая предполагает равную значимость и взаимодополняемость информации, полученной из различных текстов.

Данная часть делится на два раздела. Это связано с тем, что о первых годах существования Квэнди мы знаем из двух источников: первая точка зрения изложена в Квэнта Сильмариллионе, поздних версиях Анналов Амана, Серых Анналов итд. Вторая – в той части «Квэнди и Эльдар», которая известна как Легенда о Пробуждении или Куйвиэньярна.

1. По данным Сильмариллиона мы знаем о существовании трёх народов Квэнди: Ваньяр, Нолдор и Тэлери. Во главе первых двух во времена Великого похода стояли соответственно Ингвэ и Финвэ. Число эльфов третьего народа было столь велико, что во главе него стояли два брата-предводителя: Эльвэ и Ольвэ.

А) Самой загадочной личностью, несомненно, является Ингвэ Ингверон, так как он никогда не покидал Аман. Сведения о его родственниках ещё более скудны и отрывочны, чем о нём самом. Так, в «Истории Финвэ и Мириэль» утверждается, что у него была сестра по имени Индис, которая впоследствии стала второй женой короля Нолдор¹. В «Шибболете Феанора», напротив, упомянуто, что Индис была его племянницей (дочерью сестры)². В том же «Шибболете» подчёркивается, что «Когда Арагорн, который был дальним потомком Элроса,

женится на Арвен, заключив тем самым третий союз Эльфов и Людей, все три королевские линии Высоких Эльфов (Эльдар): Ингве, Финве, Олве и Эльве, – были объединены и остались в Срединных Землях только в его потомках»³. Об Арвен сказано так: «Она не была прямым потомком Ингвэ, но ее прапраматерь Индис была (в более ранних текстах) сестрой Ингвэ... или... дочерью его сестры»⁴. Из этого следует основной вывод: сестра у Ингвэ была, и для данной работы неважно, была ли это сама Индис или её мать. Тезис об «объединении кровей» является немаловажным для Толкина: он звучит и в других текстах (в том числе во «Властелине Колец»), поэтому и здесь не является случайным. Он позволяет подтвердить особую роль потомков Арагорна в последующей истории и их исключительное, избранное положение. О существовании у Ингвэ жены косвенно говорит следующая фраза в «Поздней версии истории о Финвэ и Мириэль», когда Финвэ обращается к Манвэ с такими словами: «Я обездолен. У одного меня среди всех Эльдар нет жены, и не могу я надеяться породить иных сыновей, кроме одного, и дочери нет у меня. А Ингвэ и Олвэ зачинают многих детей в блаженстве Амана»⁵. Даже имя жены Ингвэ неизвестно. Что же касается «многих детей» то с уверенностью говорить можно о существовании одного – Ингиля-Ингвиля-Ингвизля-Ингвиона, «принца всех эльфов»⁶ (ещё в «Утраченных сказаниях» в качестве потомка Инвэ-Ингвэ упоминается королева Мерил-и-Туринкви, однако мы не можем с полным основанием судить, был ли этот образ сохранён в поздних текстах – и отрицательный ответ представляется более вероятным). Косвенно в пользу родства Ингвэ и Индис говорит также сходство имён (inga+wë и inga+nissë, то есть «высокий, относящийся к наивысшему»+обычно «мужской» суффикс субъекта в первом случае и «женщина» – во втором). В опубликованный вариант «Сильмариллиона» данный персонаж, командовавший Ваньяр в Войне Гнева и упомянутый во всех версиях «Квэнта», вообще не попал, хотя Кристофер Толкин сожалеет об этом: «...в *QII* [второй вариант «Квэнта Нолдоринва», – Келебрин] назван только предводитель Первого Народа, Ингвизль, в то время как в окончательной версии назван только предводитель Нолдор Валинора, Финарфин; но я думаю, что один не должен был заменять другого – скорее, стоило упомянуть обоих»⁷.

Б) Семья Финвэ наиболее известна, поэтому нет нужды пересказывать здесь всю её историю. Родители или родственники его первой жены Мириэль, носившей материнское (sic!) имя Сериндэ⁸, неизвестны – можно лишь сказать, что она была из Нолдор. Об Индис было сказано выше.

В) С родственниками Эльвэ наблюдается наиболее сложная ситуация. Во-первых, это Олвэ, но помимо него, «Неоконченные сказания» упоминают ещё одного брата – Эльмо, деда Келеборна и Нимлот, жены Диора. Главная сложность состоит в том, что об Эльмо говорится только в одном из вариантов «Истории Галадриэль и Келеборна», в другом же Келеборн – внук Олвэ, поэтому в существовании третьего брата можно усомниться. Поскольку, как было сказано в начале статьи, часть I будет содержать только пересказ очевидных фактов, вероятность этих версий рассматриваться здесь не будет. Другая странность состоит в том, что в качестве родственников (kins) Эльвэ упоминаются также Эол⁹ и Новэ-Кирдан. О последнем говорится в двух источниках: в «Квэнди и Эльдар»¹⁰ (причём здесь упомянута даже «семейная черта» – волосы серебристого оттенка) и в «Последних текстах», где подчёркивается, что он был родичем и Эльвэ, и Олвэ¹¹ (sic!). Тем не менее, сам характер этого родства не уточняется – с уверенностью можно сказать лишь о том, что он не был им братом, так как нельзя усомниться, что в противном случае о нём говорилось бы как о брате Короля.

Что касается семейного статуса, то у Олвэ он в этот период времени не указан, а относительно Эльвэ, Эола и Новэ можно утверждать, что они были холосты (ни в одном тексте не упоминается жена или дети Кирдана).

2. Как было сказано выше, информация непосредственно о Пробуждении известна нам

из Куйвиэнарна. По данным этого текста, в 1050 году эпохи Древ первыми среди всех Квэнди пробудились трое, которые с изобретением языка нареклись Имин, Тата и Энель («Один», «Два», «Три»). Немного позже пробудились и их жёны – Иминье, Татиз и Энелье. Затем они нашли ещё шесть пар Квэнди, которые стали спутниками Имина, девять – спутниками Таты и двенадцать – спутниками Энеля. При этом Имин заметил, что с каждым разом они находят всё большее количество Пробуждённых, благодаря чему следующие восемнадцать пар эльфов были выбраны Татой, а двадцать четыре – Энелем. Имин продолжил поиски, но больше никого не нашёл, поэтому всего Пробуждённых было 144: из них 14 были Миньяр, 56 – Татьяр и 74 – Нельяр.

Часть вторая

Несмотря на, казалось бы, значительное количество текстов, упоминающих Пробуждение и первые годы существования Эльфов, информация по данному вопросу остаётся крайне скудной. Вышеизложенные версии часто считаются взаимоисключающими, поэтому предпочтение обычно отдаётся какой-то одной из них. Однако, как уже было сказано, у нас нет оснований для такого решения проблемы. Поэтому, на мой взгляд, задача исследователя должна состоять в том, чтобы объединить обе версии, что представляет значительную сложность при отсутствии «связующих звеньев». К сожалению, единственная прямая цитата, которая могла бы помочь в поиске таковых: *«Здесь они [Эльдар, – Келебрин] жили в течение года, и здесь Индис, жена Финвэ, родила ему сына, старшего из всего второго поколения Эльдар. Его назвали Миньон Перворождённый, а позже – Куруфинвэ или Феанор»*,¹² – была вычеркнута Толкином сразу же по написании. Кроме того, нетрудно заметить, что она находится в явном противоречии как с последующим текстом *Анналов Амана*, так и со всеми другими источниками: расходится как место, так и время рождения Феанора (1115 год Древ, ещё во время Похода, на берегу Андуина). Даже имя его матери здесь Индис, а тезис о том, что Феанор был первым из Рождённых, нигде не повторён. Если бы данная цитата была истинной, то необходимости в части II данной статьи не возникло бы (в таком случае получается, что на берегах Куйвиэнена жили только Пробудившиеся). Однако указанные причины однозначно говорят об обратном. Поэтому необходим как можно более тщательный анализ всех текстов, которые имеют отношение к рассматриваемому вопросу с целью поиска внутренней взаимосвязи в них самих.

Итак, как нам известно, Эльфы пробудились в 1050 году эпохи Древ. В 1080 году их нашли разведчики Мелькора, в 1085 – случайно встретил Оромэ. В 1086 на совете Валар решено, что вокруг Куйвиэнена должна быть установлена охрана в связи с войной против Мелькора. В этот период времени о Квэнди ничего не известно, но уже в 1102 году трое из их числа: Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, – отправляются в Аман, живут там некоторое время, и, преисполнившись восторга и восхищения, убеждают остальных идти в Валинор. В 1105 происходит разделение Квэнди на Эльдар и Авари, и начинается Великий Поход. Все указанные здесь промежутки времени – это годы Древ, однако в *Анналах Амана* точно указано, что от Пробуждения до первой встречи эльфов с Оромэ прошло 35 валинорских или 335 солнечных лет – то есть соотношение между ними представляется примерно как 1: 9,57. Тогда с 1085 до 1105 проходит 191 солнечный год (из них около 163 приходится на время от первой встречи с Оромэ до первого похода трёх вождей в Аман). В сумме – 526 лет. Получается типичный «чёрный ящик»: нам известно, что «на входе» и «на выходе», но совершенно неясно, что «посередине».

А) Первое, что хотелось бы рассмотреть – вопрос о взаимоотношении Имина, Таты и Энеля с Ингвэ, Финвэ и Эльвэ. Казалось бы, всё ясно: три Праотца, возглавляющих народы и три же вождя Похода. Но на самом деле в 1102 году мы видим совершенно другую ситуацию:

«И только трое из вождей Квэнди желали отправиться в поход: Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, которые позже стали королями». ¹³ Получается, что были и другие вожди? Да, были. Во-первых, это Морвэ и Нурвэ, будущие вожди Авари, которые смогли убедить часть Нолдор и Тэлери остаться. Во-вторых, можно с большой долей уверенности говорить, что это Ольвэ. Ольвэ напрямую называется предводителем Тэлери наряду с братом. При этом представляется очевидным, что власть Эльвэ над теми Тэлери, которые следовали не за ним, фактически была ограничена его «властью старшего брата» над Ольвэ. Если бы отношения между Эльвэ и Ольвэ или между Эльвэ и последователями его брата носили характер господства-подчинения, то, вне всякого сомнения, речь бы не шла о двух независимых вождях. Поэтому я считаю возможным говорить о том, что сначала Эльвэ убедил Ольвэ отправиться в Валинор, а лишь потом Ольвэ убедил последовать за собой некоторую часть Нельяр. Вполне вероятно, что были и другие вожди, о которых мы не знаем.

Б) Изложение этого пункта напрямую связано с Частью I данной статьи, а именно с наличием братьев и сестёр у королей Эльдар. Несомненно, что у Пробудившихся они быть могли – это так называемые «братья в замысле Илуватара», сходные по фэа, как изначально были Мелькор и Манвэ. Другое дело – у Трёх Праотцев. Как известно, те пробудились втроём, вместе с жёнами, а своих последователей выбирали случайно (эпизод, когда Имин отказывается выбрать 18 пар Квэнди). Поэтому братьев и сестёр у них быть не могло, иначе они могли бы оказаться в разных народах (опять же подчеркну, что никакого предопределения, кто из Пробудившихся попадёт в число последователей того или иного из Праотцев, не было). Ещё более важно положение родственников (но не братьев!) Эльвэ. Так, подчеркнуто, что Кирдан был родственником и Эльвэ, и Ольвэ и у них были общие черты (см. часть I 1В), что предполагает общего предка. Если бы они были Пробудившимися, то родство могло идти лишь по нисходящей линии, а это исключено. В добавление можно также сказать, что у каждого из Пробудившихся (в том числе и у Праотцев) изначально была «суженая» жена, а если и была сестра, то она должна была быть чьей-то женой. Как известно, Эльвэ женился значительно позже и не на эльфийке, а Мириэль была Рождённой, что очевидно из наличия у неё материнского имени.

Итак, на основе вышесказанного делаю вывод: королями Эльдар стали не Праотцы, а совершенно другие эльфы. То есть вместо единственно возможных правителей своих народов спустя 498 солнечных лет мы имеем каких-то других вождей, причём неединоличных и с весьма слабой властью. Попытаемся восстановить ход событий. Как известно, значительная часть эльфов «исчезла», а на самом деле была захвачена слугами Мелькора (а те, кто сопротивлялись – вероятно, тайно убиты, так, что их тела не были найдены). Кроме того, шпионы Врага с лёгкостью могли узнать, кто руководит народами Эльфов, пока те ещё не осознавали опасности. В таком случае, Мелькор, безусловно, приложил бы все силы, чтобы поработить или избавиться в первую очередь от вождей. Тогда ему было бы легче справиться с разобщёнными эльфами, чем с весьма могучим народом, численность которого к тому же значительно увеличилась за те почти 300 лет, что прошли от Пробуждения (учитывая тот факт, что эльфы обычно женятся примерно в 50 лет). Однако его планам не суждено было сбыться: вскоре Оромэ находит Квэнди и лично охраняет их примерно до 1090 года (после этого, где-то между 1090 и 1092 годом Древ, Валар установили охрану у Куйвизнена – состав этой стражи неизвестен), отлучаясь только в 1086 году на Совет Валар. После начала осады Утумно в 1092 году Мелькор уже лишается возможности как-то влиять на Квэнди. Таким образом, Имин, Тата и Энель пропали в промежутке между 1080 и 1085 годом эпохи Древ. Никто и никогда не находил тел пропавших Праотцев, значит, оставалась надежда на их возвращение. Оставшись без власти, Квэнди разделились на небольшие группы, в которых был вождь, но он не сильно отличался по своему статусу от рядовых членов группы – скорее, просто осуществлял «оперативное управление», как это обычно бывает в племенах. Принятие важного решения зависело не столько от его воли, сколько от красноречия и

способности убедить своих собратьев в необходимости этого решения. Во всех источниках, упоминающих начало Похода, сказано, что Ингвэ, Финвэ и Эльвэ «counselled», то есть советовали эльфам отправиться в Валинор, при этом значительная часть (половина Татъяр-Нолдор и чуть больше трети Нельяр-Тэлери) отказались. Несомненно, что власть и авторитет, которые были у Праотцев, вожди получить никак не могли, так как не обладали их исключительностью – первородством, поэтому они не могли править целым народом. Кроме того, они не были заинтересованы в интеграции разрозненных групп, ведь небольшим числом последователей управлять легче, чем крупным. А вот эффективность «оперативного руководства» (которая и давала вождям возможность и право управлять) напрямую зависит от численности последователей. Поэтому процесс дробления, начавшийся вскоре после потери Праотцев, не затронул лишь Миньяр, так как их было сравнительно немного.

Данное положение легко можно проиллюстрировать: в Квэнья, например, титул *taro* *король: использовалось только по отношению к легитимным* [выделение моё, – Келебрин] *королям целых племён...*¹⁴ отличался и от короля земли – *hagan*, и от вождя – *cano*. Если обратить внимание на историю Эльдар в Первую Эпоху, нельзя не заметить один, казалось бы, странный факт: власть таго была очень слабой, как у Короля Изгнанников по отношению к представителям чужого Дома, так и у Короля Синдар по отношению к своему народу вне Дориата. Так зачем нужен чисто формальный титул? Ответ будет очень прост: для сохранения целостности народа. У Авари ничего подобного, разумеется, не было – и некоторое время спустя вместо двух народов Морвэ и Нурвэ мы видим уже как минимум шесть, говорящие на разных языках (в «Квэнди и Эльдар» приведены их самоназвания: *kindi, cuind, hwenti, windan, kinn-lai, penni*¹⁵). Аналогичная ситуация наблюдается и у Нандор: этот народ достаточно быстро раскалывается, когда Дэнэтор уводит часть него в Белерианд. Прямо противоположный пример – Нолдор, у которых титул Короля Изгнанников существовал всё время, пока в Смертных Землях были потомки Финвэ по мужской линии. У Праотцев, несомненно, был легитимизирующий фактор. У последующих вождей его не было, а разделение на три различных народа поддерживалось только в силу традиции.

С приходом Оромэ ситуация меняется. Во-первых, он объясняет Квэнди, что их Праотцы не вернутся. Во-вторых, с возвращением троих вождей из Валинора, они и становятся теми бого-, точнее, валоизбранными правителями, которые уже могут возглавить свои народы, так как этот факт выделил Ингвэ, Финвэ и Эльвэ из всех. Другая ситуация складывается среди тех Татъяр и Нельяр, которые жили «*дальше всех от вод Куйвиэнена*»¹⁶ под руководством Морвэ и Нурвэ. Они не говорили с Оромэ, не видели свет Древ, поэтому их вождям не составило труда убедить их не подчиняться чужим правителям и не покидать обжитых мест. У Ингвэ, Финвэ и Эльвэ не было никакого «аппарата принуждения», который мог бы заставить эльфов из «чужих» групп подчиниться их власти (о взаимоотношениях Эльвэ и Ольвэ сказано выше). Нельзя пренебрегать и возможностью того, что даже незадолго до Похода последователи Морвэ и Нурвэ ещё верили в возвращение своих Праотцев. Но здесь, видимо, сыграл свою роль и субъективный фактор: Морвэ и Нурвэ не желали терять свои правящие позиции и подчиняться тем, кого они по-прежнему считали равными себе.

Таким образом, незадолго до Похода вновь возникла власть *taro*, её носителями стали Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, и их народы всегда оставались более или менее едиными. Особенно любопытно полученные выводы смотрятся в применении к Нандор: Ленвэ происходил из народа Ольвэ¹⁷, который не был легитимизированным вождём. Вполне вероятно, что большинство его народа тоже. Сама возможность их выделения создалась как раз по указанным выше причинам.

Вопрос, кем же на самом деле являются Ингвэ и его сестра, Финвэ, Эльвэ и Ольвэ (а также Эльмо) остаётся открытым. Не Праотцы, это очевидно. Их потомки? Данных для такого утверждения у нас определённо недостаточно, всякая попытка доказать это будет чистой

спекуляцией (впрочем, и опровергнуть тоже). Другие Пробудившиеся? Маловероятно в силу сказанного в начале пункта Б части II данной статьи, по крайней мере, в отношении владык Тэлери. Что касается других эльфов, известных нам в рассматриваемый период их истории, то, предположив, что они пробудились и прожили на берегах Куйвиэнена более 500 лет, мы столкнёмся с одним очень странным фактом. А именно: все они женились и обзавелись детьми намного позже, и это притом, что численность Квэнди у Вод Пробуждения росла достаточно быстро (почему же тогда именно у вождей не появлялись семьи?). Да, мы можем предположить, что Ингвэ женился ещё задолго до Похода, и взять за основу ту версию, где Индис была его племянницей (эти допущения позволяют избежать указанной странности). Таким образом, Ингвэ и его сестра оказались бы Пробудившимися, и это частично объясняло бы особый статус и уважение, которым пользовался король Ваньяр среди эльфов. Однако это лишь версия, а точный и окончательный ответ смог бы дать только сам Дж.Р.Р. Толкин. В целом же, при имеющихся у нас данных, наиболее вероятным представляется следующее утверждение: все эльфы, упомянутые в первой группе источников - Рождённые, хотя, несомненно, превосходящие других по мудрости и могуществу.

Итак, историю Куйвиэнена можно представить в виде следующих этапов:

1. 1050-1080 год Древ. В это время Миньяр, Татъяр и Нельяр сохраняются в виде единых народов, каждый под управлением своего Праотца. Квэнди активно познают окружающий мир, совершенствуют язык и накапливают знания.
2. 1080-1085 год. Это Тёмные годы, как для эльфов, так и для нас. Пропадают Праотцы и многие другие Квэнди, начинается выведение орков, эльфы живут в страхе и хаосе.
3. 1085-1104 год. Под бдительной охраной Валар эльфы процветают, увеличивается их численность, накапливаются новые знания. В то же время, это эпоха раскола – народы делятся на племена во главе с вождями. Трое из них в 1102 году взяты в Аман, где живут целый год.
4. 1104-1105 год. Ингвэ, Финвэ и Эльвэ убеждают Квэнди следовать за ними. Племена вновь объединяются в народы. Происходит первое Разделение и начинается Поход. На основе тех, кто не желает идти, формируется новая общность – Авари, которые впоследствии уже не рассматриваются в качестве частей Татъяр и Нельяр.

Примечания:

¹ Например: «It came to pass that after three years more Finwë took as second wife Indis the fair...She was not of the Noldor but of the Vanyar, being the sister of Ingwë...» (HoME vol. X. The Later Quenta Silmarillion. «Of Finwë and Míriel»).

² «She is said to have been the daughter of King Ingwë's sister.» (HoME vol. XII. «The Shibboleth of Fëanor»).

³ «When Aragorn, descended in long line from Elros, wedded Arwen in the third union of Men and Elves, the lines of all the Three Kings of the High Elves (Eldar), Ingwë, Finwë, and Olwë and Elwë were united and alone preserved in Middle-earth.» (HoME vol. XII. «The Shibboleth of Fëanor», note 53).

⁴ «She was not directly descended from Ingwë, but her fore-mother Indis was (in earlier texts) the sister of Ingwë...or... the daughter of his sister.» (ibidem).

⁵ «I am bereaved; and alone among the Eldar I am without a wife, and must hope for no sons save one, and no daughter. Whereas Ingwë and Olwë beget many children in the bliss of Aman.» (HoME vol. X. The Later Quenta Silmarillion. «The earliest version of the story of Finwë and Míriel»).

⁶ «...Ingwiel son of Ingwë, prince of all the Elves...» ...» (HoME vol. V. The later Annals of Beleriand, year 347 [547]).

⁷ «...whereas in Q II only the leader of The First Kindred is named, Ingwiel, in the final version only the leader of the Noldor of Valinor is named, Finarfîn; but the one should not, I think, have replaced the other – rather both should have been named.» (HoME vol. IV. The Quenta. Commentary, chapter 17).

⁸ «She was therefore called ðerindë (Needlewoman) – a name which she had indeed already been given as a 'mother-name'.» (HoME vol. XII. «The Shibboleth of Fëanor»).

⁹ «...and there Eöl dwelt, who was named the Dark Elf. Of old he was of the kin of Thingol...» (The Silmarillion, chapter 16).

¹⁰ «Elwë himself had indeed long and beautiful hair of silver hue, but this does not seem to have been a common feature of the Sindar, though it was found among them occasionally, especially in the nearer or remoter kin of Elwë (as in the case of Círdan).» (HoME vol. XI. «Quendi and Eldar»).

¹¹ «...he was akin to Olwë, one of the two kings of the Teleri, and lord of those who departed over the Great Sea. He was thus also akin to Elwë...» (HoME vol. XII. Last writings, «Círdan»).

¹² «Here they dwelt for a year, and here Indis wife of Finwë bore him a son, eldest of all the second generation of the Eldar. He was first named Minyon First-begotten, but afterwards Curufinwë or Fëanor.» (HoME vol. X. The Annals of Aman. Third section, note 3).

¹³ «And three only of the chieftains of the Quendi were willing to adventure the journey: Ingwë, Finwë, and Elwë, who afterward were kings.» (HoME vol. X. The Annals of Aman. Third section, year 1102).

¹⁴ «taro king: only used of the legitimate kings of the whole tribes...» (HoME vol. V. The Etymologies, stem TA- TA3-).

¹⁵ «The Avarin forms cited by the Loremasters were: kindi, cuind, hwenti, windan, kinn-lai, penni.» (HoME vol. XI. «Quendi and Eldar»).

¹⁶ «But the kindreds of Morwë and Nurwë were unwilling and refused the summons, preferring the starlight and the wide spaces of the Earth to the rumour of the Trees. Now these dwelt furthest from the waters of Kuiviénen, and wandered in the hills, and they had not seen Oromë at his first coming, and of the Valar they knew no more than shapes and rumours of wrath and power as they marched to war.» (HoME vol. X. The Annals of Aman. Third section, year 1105).

¹⁷ «Then one arose in the host of Olwë, which was ever the hindmost on the road; Lenwë he was called.» (The Silmarillion, chapter 3).

Источники:

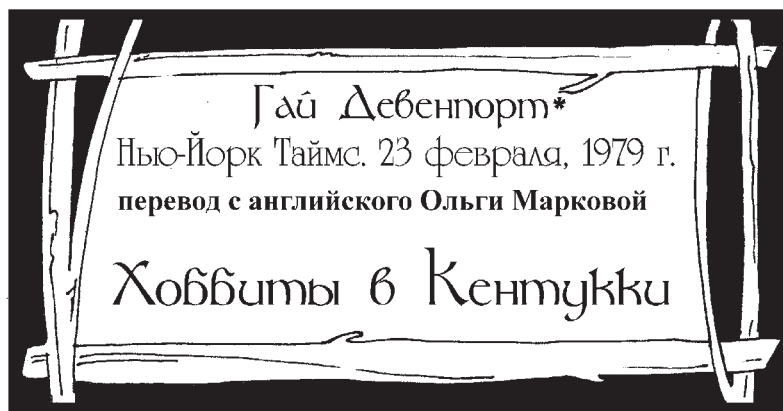
1. The Silmarillion.
2. Unfinished Tales.
3. The History of Middle-Earth, volume IV, «The Shaping of Middle-Earth».
4. The History of Middle-Earth, volume V, «The Lost Road and other writings».
5. The History of Middle-Earth, volume X, «Morgoth's Ring».
6. The History of Middle-Earth, volume XI, «The War of the Jewels».
7. The History of Middle-Earth, volume XII, «The Peoples of Middle-Earth».

За помощь в подготовке статьи автор благодарит всех, кто участвовал в обсуждении её первой версии на форуме Арды-на-Куличках, в особенности Туллино, без чьей конструктивной критики данная статья никогда не приобрела бы её нынешний вид. Также большое спасибо Дмитрию Виноховову за помощь в публикации.

Посвящается Агге Хананашибити,
вдохновившей меня на этот перевод

Лексингтон, Кентукки – В печальном списке того, что мне навсегда останется недоступным, на первом месте будут лингвистика, моя неспособность водить автомобиль и произносить слово «mitgoring» (отображение). Самые искренние побуждения двух университетов научить меня читать (и во вновь возвращающемся кошмаре писать и говорить) по-древнеанглийски, или англо-саксонски, как иногда называют этот язык, я им никогда не прощу. Такие обиды не забываются. В День Страшного Суда я гордо и упрямо выражу своё недовольство изучением того, как покидать тонущий корабль, ползти под огнём на поражение и зубрить англо-саксонский.

Первый профессор, мучивший меня синтаксисом и морфологией древнеанглийского, имел сбивчивую речь, путался в замечаниях, и, похоже, думал, что мы, его озадаченные студенты, прилично разбирались в грамматиках готского, гаэльского и уэльского языков, к которым он свободно апеллировал во время лекций. Мог ли я тогда предположить, что в один прекрасный день он напишет на обратной стороне экзаменационной работы: «В норе, в земле жил да был хоббит»?

Лишь годы спустя я узнал, что этот странный и непонятный лектор, корпевший над страницами ужасной «Англо-саксонской хроники», бормотавший себе под нос названия мест и забавлявшийся над различными прочтениями этих названий, ездил на велосипеде по сэндфилдской дороге в Нэдингтон и направлял Фродо и Сэма в Мордор.

Даже после чтения «Властелина Колец» я не мог и до сих пор не могу поверить, что эта книга написана бормочущим и педантичным профессором Дж. Р. Р. Толкином.

Я просто не в силах совместить профессора англо-саксонского и автора «Властелина Колец» в своём сознании. Проведя приятный вечер в розовом саду Толкина и беседуя с его сыном, я увидел в профессоре любящего отца, который так и не заметил, что его дети повзрослели, и который, как я понял, жил где-то между реальным и вымышленным миром. Мне пришло на память, что сын Вальтера Скотта пребывал в полном неведении, что его отец писатель, и, будучи подростком, при обсуждении гения отца, сказал: «Да, он, бесспорно, первым заметит зайца».

Общаясь с близким другом Толкина Х. В. Г. («Хьюго») Дайсоном, я так и не почувствовал, что именно этот Толкин придумал хоббитов и самые захватывающие со времён Ариосто и Бойярдо приключения. «Видите ли, – сказал мне Дайсон, – милый Рональд, создавая все эти дурацкие книжки с тремя предисловиями и десятью приложениями, никогда не обладал настоящим

воображением. Он просто всё обобщил». Пятнадцать лет кряду я тщетно силился понять, что означает фраза Дайсона.

И вот зимним днём в Шелбивилле я приблизился к разгадке тайного и непонятного Толкина в одном случайном разговоре. Уже не припомню, как мы вышли на профессора, но как только я узнал, что говорю с оксфордским однокашником Рональда Толкина, я сразу засыпал его вопросами. Моего собеседника, известного адвоката, звали Аллен Барнетт. Он никогда не читал ни «Хоббита», ни «Властелина Колец» и был приятно удивлён, узнав, что его давний друг приобрёл обширную писательскую славу.

«Подумать только! А знаете, он необычайно интересовался людьми из Кентукки и никогда не мог насытиться моими рассказами о его обитателях. Он заставлял меня повторять такие фамилии, как Баэфут, Боффин, Бэггинс, и всякие подобные названия местных деревушек».

Из окна я заметил табачные амбары. Чарующий анахронизм хоббитских трубок заставил меня взглянуть на них в новом свете. Шир, принятые там обычаи и застенчивые хоббиты имеют много общего с фольклором и традиционным укладом жизни. Я вспомнил, как недавно выглянув из английского автобуса, я увидел дорожный знак «На Баттербер». Кентукки, похоже, тоже внесло свой вклад в ширские названия.

Практически все имена толкиновских хоббитов можно встретить в моей лексингтонской телефонной книге, а те, которых там не окажется, непременно будут обозначены в шелбивилльской. Весьма вероятно, основным занятием местных жителей Кентукки было выращивание табака. Поговорите с ними, и вы услышите, что они изъясняются абсолютно по-хоббитски: «слышал я, говорили», «так мистер Фродо его первый и второй двоюродный брат, однажды ушедший по этой самой тропе», «в тот же самый месяц, что и этот». Эти, бесспорно, чисто английские обороты речи, тем не менее, гораздо чаще можно услышать в Кентукки, нежели в Англии.

Я отчаянно пытался убедить Барнетта, что его рассказы о народе Кентукки повлияли на воображение Толкина. Я настоятельно рекомендовал ему прочитать «Властелина Колец», но так как наши пути никогда больше не пересеклись, я не знаю, выполнил ли он моё пожелание. Да и вряд ли он узнает, что он создал у камина в Оксфорде и на прогулках по Червеллу Бэггинсов, Боффинов, Туков, Брэндибаков, Граббов, Берроусов, Праудфутов (или Праудфитов, как они назывались по другой семейной ветви), которые были, говорят, объектами особого внимания со стороны Гэндальфа Серого, единственного волшебника, интересовавшегося их робкими и застенчивыми деревенскими манерами.

* Гай Давенпорт – английский профессор, всю жизнь проработавший в университете Кентукки, в Лексингтоне, США. Ныне на пенсии. Поэт, переводчик, эссеист. В недавно вышедшую книгу Г. Давенпорта «Смерть Пикассо» («The Death of Picasso: New and Selected Writing», Washington D.C., 2003), вошли новые и уже публиковавшиеся ранее рассказы.

Толкин наслаждался историями слов (L.264) и не упускал возможность создать свои собственные. В «Гарцующем Пони», Фродо исполняет песню, которую Бильбо «весьма любил (и уж конечно весьма ею гордился, поскольку сам же и сочинил слова)» (F.216-218). Читателю не требуется много времени, чтобы узнать в этом стихотворении с детства любимую народную песенку: «Корова прыгнула через Луну». Описывая историю сражения на Зеленополье, Толкин выводит свою этимологию названия игры в гольф (H.30).

Еще раз подобную уловку Толкин, по-видимому, пытается использовать в 11 главе («Клинок в ночи» F.239). Тревожный клич — написанный в одну строку и состоящий из ЗАГЛАВНЫХ букв — который вторит сигнальному зову Рога Бакленда выглядит так:

FEAR! FIRE! FOES!
СТРАХ! ПОЖАР! ВРАГИ!

Аллитерационный сигнал тревоги предупреждает жителей об опасности появления Черных Всадников. В этом ряду элемент *FEAR!* (СТРАХ!) выглядит несколько нелогично, поскольку это абстрактное понятие, в то время как два другие вполне конкретные. Этот логический камень преткновения заставляет читателя остановиться, чтобы подумать, отчего Толкин не сбалансировал все три элемента своего тревожного клича, а сделал один из них отличающимся. Логический дискомфорт отразился и в переводах тревожного клича. Из шестнадцати рассмотренных мной переводов², лишь в четырех — обоих голландских, во втором польском и в болгарском — *FEAR!* было переведено, во все остальных его заменили на что-то более конкретное.

В обоих немецких переводах элемент *FEAR!* превратился в *GEFAHR!* (ОПАСНОСТЬ!). В русских варианты варьировались: *БЕДА!* *НАПАСТЬ!* *ТРЕВОГА!* и *БЕРЕГИСЬ!* В чешском переводе, первый по порядку элемент был *ПОМОС!* (НА ПОМОЩЬ!). В первом польском слово *FIRE!* было попросту повторено дважды: *Gore! Gore!* (ГОРИМ! ГОРИМ!). Из всего этого видно, что большинство переводчиков чувствовали себя неуверенно с *FEAR!* как первым элементом тревожного клича, и вынуждены были заменить его на что-то другое, чтобы сделать тревожный клич более «логичным» с их точки зрения.

Отсутствие логической сбалансированности в толкиновском перечне побуждает читателя искать причину, способную ее объяснить. Учитывая любовь Толкина к историям слов, сей любознательный читатель непременно припомнит слова Великана из другой известной детской

сказки, которые, похоже, вторят аллитерационному кличу у Толкина:

Fee Fi Fo Fum,
I smell the blood of an Englishman.
Be he alive, or be he dead,
I'll grind his bones to make my bread.³

Создавая свой тревожный клич, Толкин, вероятно, попытался предоставить читателю этимологию рифмованной бессмыслицы Великана (Fee Fi Fo Fum), объяснить которую на протяжении многих веков ученые были не в состоянии. (Слегка измененный ее вариант встречается в 4 сцене третьего акта шекспировского «Короля Лира» [1605 г.]: Fie, foh, and fum, I smell the blood of a British man.) В версии Толкина, рефрен Великана выглядит как видоизмененная форма оригинального тревожного клича Бакленда, который, в отличие от него, имеет смысл.

Толкин сам упомянул о подобном лингвистическом процессе, когда объяснял изменения названий хоббитских дней недели. «Их исконные значения вскоре были забыты или о них более не задумывались, а форма названий редуцировалась, особенно в повседневном бытовом произношении» (R.484). Объясняя, как переводились ширские названия, Толкин указывает, что они обычно составлялись из элементов, часто встречаемых в английских географических названиях, «или слов, по-прежнему имеющих в обиходе, как например, *hill* (холм) или *field* (поле); или же немного видоизмененных, как *ton*, восходящий к *town* (городок)» (R.515).

Можно предположить, что причиной отсутствия сбалансированности первого элемента тревожного клича Бакленда, было стремление «втиснуть» его в общий ряд, поскольку он должен был звучать в унисон с первым элементом рифмованной бессмыслицы Великана.

Соответственно, лучшим переводом *FEAR! FIRE! FOES!* был бы тот, который перекликался бы со словами, произносимыми Великаном на языке перевода, до того, как он заявляет, что намерен перемолоть в муку кости злоумышленника. К сожалению, похоже, что большинство неанглоговорящих Великанов также употребляют широко известную поговорку на древневеликанском, делая почти невозможным поиск современных слов, имеющих соответствующий смысл в языке перевода. Та же неутешительная картина наблюдается и в переводах «Короля Лира».

Поскольку вероятность повторить значимую этимологию для *Fee Fi Fo Fum* в языке перевода весьма мала, перевод тревожного клича Бакленда должен, по крайней мере, быть аллитерационным, особенно учитывая известную любовь Толкина к аллитерационной англосаксонской поэзии. С этим справились только голландские переводчики, но я подозреваю, что это скорее удача, чем изначальное намерение, поскольку голландский и английский языки достаточно родственны, и напрашивающимся голландским переводом строки *FEAR! FIRE! FOES!* является «VREES! VUUR! VIJANDEN!», где случайно все слова начинаются на «V». Помимо голландских, единственными переводчиками, более-менее верно передавшими аллитерацию, были немецкие: «GEFAHR! FEUER! FEINDE!» (Cargoux) и «GEFAHR! FEURIO! FEINDE!» (Krege), которые, видимо, все же обязаны больше своей изобретательности, чем удаче.

Проблему перевода тревожного клича Бакленда мы обсудили с Аллой Хананашвили, которая когда-то пыталась переводить «Властелина Колец». В результате она остановилась на формулировке «ГРАБЯТ! ГОРИМ! ГРОЗЯТ!», создающей необходимую аллитерацию. К сожалению, это не дает ей возможность представить такой вариант как этимологию рефрена Великана, поскольку в русском переводе «Джека и бобового стебля» Н. В. Шерешевской он выглядит так:

Фи-фай-фо-фам,
Дух британца чую там.
Мертвый он или живой, -
Попадет на завтрак мой.

Хотя я вообще-то люблю пастернаковские переводы Шекспира, ни один из четырех существующих вариантов «Короля Лира» также не помогает в решении этой задачи⁴.

Шекспир: Fie, foh and fum, I smell the blood of a British man

Пастернак: А великан как ахнет: «Британской кровью пахнет».

Щепкина-Куперник: Тогда великан говорит: «Ух, ух, Я чую британской крови дух!..»

М. Кузмин: Опять тот молвил: «фу-фу-фу! Британской кровью как несет!».

Александр Дружинин: Фу-фу-фу! Пахнет британской кровью.

Единственная возможность достигнуть эффекта, аналогичного тому, который создал Толкин, перевести на русский рефрен Великана из «Джека и бобового стебля» как: «Гра-Гор-Гро-Гам, дух британца чую там». Этот вариант ничуть не глупее, чем *Фи Фай Фо Фам*, так почему бы не решить обе проблемы одним махом? :)

примечания:

1. “Сломанные Сказки” — так называлась одна из серий телевизионного шоу моего детства: *The Rocky and Bullwinkle Show*. Авторы ее взяли известную сказку и изменили ее так, чтобы создать весьма смешную пародию. Названия серий в этом шоу почти всегда были аллитерационными. Это именно то, что подразумевает название статьи.

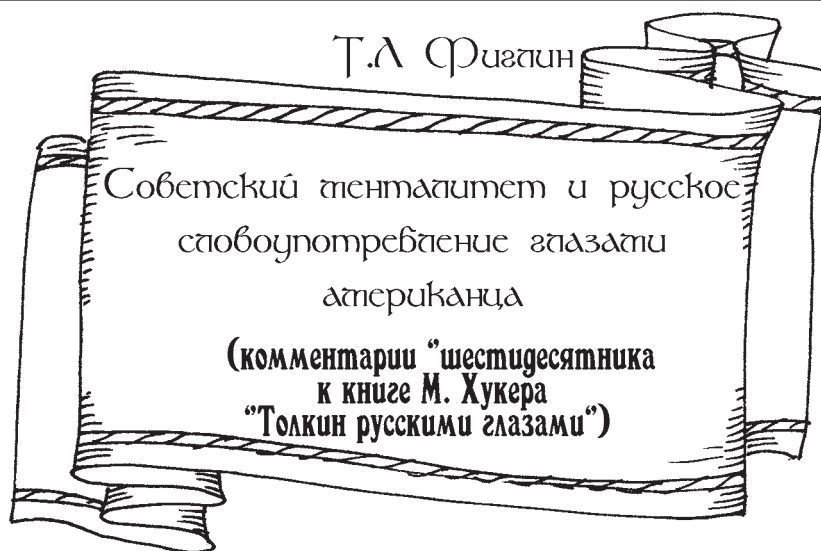
2. Немецкие (2), польские (2), голландские (2), чешский (1), болгарский (1), русские (8).

3. Подстрочный перевод:

Фи Фай Фо Фам,
Чую кровь англичанина.
Будь он жив или мертв,
Его кости я смело в муку.

4. В русских народных сказках (например, в сказке «Финист, ясный сокол») Баба Яга говорит «Тьфу, тьфу! Русским духом пахнет» или «Фу-фу-фу, чую: русским духом пахнет» (встречаются также варианты «Чую, чую...» и «Чу, чу...»). Параллель между английской и русскими сказками несомненна.

Начну с того, что книгу Марка Хукера я прочла с величайшим интересом и эти заметки – отнюдь не попытка умалить её достоинства. Но поскольку авторский анализ имеет в виду именно мое восприятие печатного слова («читатель, выросший в атмосфере деспотизма»), я сочла себя вправе поделиться впечатлениями. Конечно, я не скажу за всю Одессу, Одесса, как известно, очень велика и, добавлю, весьма неоднородна. Могу говорить только о той части технической интеллигенции, чья юность пришлась на последние годы сталинской эпохи. XX съезд вывернул наш мир наизнанку, а потом мы сначала с недоумением, а потом с безнадежностью наблюдали за попытками возродить культ – то, что было трагедией, повторялось как фарс. Было ощущение, что нас медленно засасывает зыбучий песок. Мне кажется, я помню, как мы тогда воспринимали мир и как употребляли слова. На эти воспоминания – гораздо больше, чем на словари – я и опираюсь в своих комментариях.

На мой взгляд, анализу М.Хукера мешают два обстоятельства:

1. Чрезмерное стремление рассматривать русское словоупотребление через призму советской истории и идеологии. Конечно, мы были великими мастерами читать между строк, а цензура – не меньшим мастером выискивать аллюзии даже там, где они и не ночевали. Но все же, сдается мне, автор временами допускает большие натяжки.

2. Тяга к кальке, даже к подстрочнику. По этому поводу напомним известную истину: “Калька – враг переводчика”. Очень редко слово удастся точно перевести одним-единственным словом, ибо объем и оттенки значений слов в разных языках не совпадают. Об этом прекрасно сказал еще А.П.Сумароков в «Епистоле о русском языке».

Посем скажу, какой похвален перевод:

Имеет в слоге всяк различие народ.

Что очень хорошо на языке французском,

То может в точности быть скaredно на русском.

Не мни, перевода, что склад в творце готов;

Творец дарует мысль, но не дарует слов.

В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся.

А теперь конкретно.

Стр. 76. «У Рахмановой... целый набор выражений, упоминающих имя Бога», которые, по мнению автора, должны звучать как некий политический намек. Но на русский язык не влиял пуританский запрет «Не упоминай имени Господа всуе», и выражения, содержащие имя Бога (а иногда и черта) издавна были широко распространены – они подчеркивают эмоциональное отношение к происходящему. С заменой прописного **Б** на строчное они сохранились и после 1917г. Власти с ними не боролись (по крайней мере, на моей памяти), и никакой религиозной нагрузки они не несли. Видимо, язык очень неохотно расстается с привычными конструкциями. Лет двести уже не ходят по улицам русских городов караулы, а восклицание «Караул!» живехонько. А уж оборот «не бог весть как» в описании прыжка Билбо настолько естественный, настолько русский, что одно удовольствие читать эту фразу (подлинно, «свойственно себе словами украшайся»). Замечу также, что в русском языке, в отличие от английского, не приняты эвфемизмы, заменяющие имя Бога. Эвфемизмы мы применяем для замены матерщины.

Стр. 87. Автор предполагает, что Рахманова отказалась от перевода *personality* словом *личность* по соображениям цензурным. Но слово *личность* вовсе не было жестко связано в нашем сознании только со Сталиным. Наряду с *культу личност* писали о *роли личности в истории*, о *личности и обществе* и т.п. Заметим, однако, что всё это выражения не из бытовой лексики, в них есть отчетливый привкус социологии. В быту же слово *личность* имело (и имеет) отрицательный, даже уничижительный оттенок, которого нет в английском *personality*: *темная личность*, *странная личность* и вообще какие-то личности, ошивающиеся у ларька. На мой взгляд, *деспотичная натура* у Рахмановой звучит гораздо более по-русски, нежели *подавляющая личность* – это уж скорее для газетного очерка.

Стр. 109. Слово *план*. Автор прав, переводчики его не любят, ибо это типичная калька. Оно заимствованное, оно некрасиво, а главное – оно неточно передает смысл. Это слово у нас со школы в зубах навязло и вне всякой связи с пятилетками вызывает тошнотворно-казенные ассоциации. План сочинения, план работы пионерской (комсомольской, профсоюзной и всякой прочей) организации, план квартальный, годовой... Но всякий план обязательно включает в себя ряд пунктов с датами и цифрами. Намерение Билбо покинуть Шир после своего дня рождения, оставив Кольцо Фродо, на *план* явно «не тянет».

Стр. 172. Не берусь судить, почему в русском языке нет слова *всезнание*. Но что касается мысли, что *всезнайка* «читателю, выросшему в атмосфере деспотизма» может напомнить о Сталине... Я именно такой читатель, и в моем представлении это веселое слово ассоциируется скорее уж с самоуверенным отличником-пятиклассником. Сталина боялись (все), боготворили (большинство), кое-кто ненавидел (молча!), но такая вот снисходительная улыбка была абсолютно невозможна. Александр Галич написал стихотворение «Ночной дозор» в 1962 г., девять лет прошло со смерти Сталина, а при воспоминании «дрожь пронзит, будто сто по Цельсию». Вот так мы вспоминали Дядю Джо, какие уж там смешки.

Стр. 185. *Охранцы* – совсем не обязательно ссылка на царскую охранку, охрана (да еще какая!) существовала и в СССР. Но вот утверждение, что «для советского читателя переход от одной позорной тайной полиции... к другой осуществился бы почти машинально» весьма спорно. Эльдар Рязанов вспоминает, что он был потрясен, когда «сверху» ему запретили в фильме «О бедном гусаре замолвите слово» вывести мерзавца - чиновника 3-го отделения – мол, могут возникнуть нежелательные ассоциации. Возможно, Рязанов лукавит, и сам рассчитывал вызвать эти ассоциации, но, во всяком случае, они не лежали на поверхности.

И еще несколько примеров того, как тяга М.Хукера к дословному переводу мешает ему учесть оттенки значений слов в русском языке.

Стр. 149. Автор на основании формальных признаков полагает, что слово *там* во фразе «а там будь что будет» означает «там, на верхушке». Но ведь это устойчивый фразеологизм. Более того, Ожегов предлагает почти такой же пример применения *там* как наречия времени в значении *потом, после*: «Там видно будет, что делать». Как видим, перевод К&К точен.

Стр. 150. Тщательно обсуждая варианты перевода понятия *дело/долг*, автор допускает неточность. Слово *должен*, конечно, содержит в себе понятие обязанности, но часто обозначает и понятие долга, что подтверждает и словарь Ожегова. «Я должна Вам объясниться откровенно», - говорит пушкинская Татьяна. Но она ничем Онегину не обязана – речь идет о долге чести.

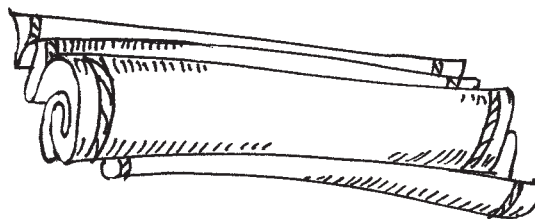
На той же стр. 150 автор отвергает фразу «время было на вес золота». Но это же идиома! *Золото* здесь не желтый металл с удельным весом 19,32, а просто нечто очень ценное. Потому попытка Немировой создать эквивалентную идиому, приспособленную к реалиям ВК («каждая минута на вес митрила») выглядит достаточно неуклюже. Все равно, что сказать «каждая минута на вес платины».

Стр. 159. Немировой нечего было разяснять «современному читателю» потому что в русском языке, в отличие от английского, выражение *поговорить с девушкой* никогда не означало *объясниться* или *сделать предложение*. Небольшая, конечно, неточность, но ведь М.Хукер требует от переводчиков точности почти дословной!

Закончу же я пожеланием, чтобы эта интереснейшая работа была продолжена. Ведь избранное автором направление исследования далеко не исчерпано. Интересно было бы проследить, как в переводах ВК, а также во всей русской толкиниане отразились те особенности советского менталитета, которые я считаю более существенными, потому что они дают о себе знать до сих пор:

- крайняя ксенфобия: всё, что находится за забором (будь оно прекрасно-распрекрасно), враждебно;
- «двоемыслие»: в голове мирно уживались две разные оценки одного и того же явления;
- пришедшая ему на смену беспринципность, привычка к постоянной лжи: официальной пропаганде уже никто не верил, но ее послушно повторяли, когда этого требовали, - а результатом стало терпимое отношение ко лжи вообще;
- самоцензура, доведенная до автоматизма;
- полный отрыв от всяких корней и традиций – это противоположно толкиновскому мировосприятию, а потому особо заметно у русских «продолжателей» Толкина;
- постоянное ощущение несвободы, зависимости не только от системы, но и от отдельных (часто не самых умных) ее представителей.

Много еще можно перечислить...

Сомнительные примеры множественных чисел: В "Этимологиях" есть несколько примеров множественных чисел, которые, возможно, не верны для настоящего синдарина; Толкин иногда пересматривал написанное. Выше я утверждал, что обычное множественное число от корней на А-А это Е-АІ, но в "Этимологиях" есть примеры А-А, превращающегося вместо этого в Е-ЕІ:

adar – "отец", мн. ч. **edeir** (или **eder**) (АТА)
balan – "Вала", мн. ч. **belein** (или **belen**) (BAL)
nawag – "гном", мн. ч. **neweig** (или **neweg**) (NAUK)
habad – "берег", мн. ч. **hebeid** (SKYAP)
talaf – "земля, пол", мн. ч. **teleif** (TAL)

Я полагаю, что все эти примеры вполне могут игнорироваться теми, кто пишет на настоящем синдарине. В "Сильмариллионе" множественное число от **Balan** утверждается как **Belain**, а не **Belein** или **Belen** (см. *val-* в Приложении к "Сильмариллиону"). Из форм **nawag**, мн. ч. **neweig**, **neweg** мы можем принять в качестве правильной **nawag**, мн. ч. **neweg**, ср. WJ:209. Как бы то ни было, обычное синдаринское слово "гном" это **Nogoth**, мн. ч. **Noegyth** (WJ:388), и эти формы должны предпочитаться. Формы **hebeid** и **teleif** были, очевидно, отвергнуты тем же пересмотром, что переименовал **belein** на **belain**. Примеры с А-А > множественное Е-АІ очень часто встречаются в настоящем синдарине, так что пишущие на нем, скорее всего, должны игнорировать множественные числа **hebeid** и **teleif** и использовать вместо них ***hebaid**, ***telaif**. Даже в "Этимологиях" утверждается, что множественное число от слова **aran** – "король" будет **erain**, а не ****erein**. Корень в данном вопросе это ЗАR, и интересно, что Кристофер Толкин сообщает нам, что "несколько статей, начинавшихся с заднего спиранта З были зачеркнуты и переписаны более разборчиво" (LR:361). Возможно, эта замена была сделана после завершения первой версии "Этимологий", и в это время Толкин сделал пересмотр Е-ЕІ > Е-АІ.

Существует также один пример **о-о**, имеющего множественную форму **е-еі**: **orod**, мн. ч. **ered** или **ereid** (ÓROT). **Ered** это обычная форма везде, хотя встречается также **eryd**; обычным образом нам следовало бы ожидать, что существительное с гласными **о-о** имело бы множественную форму с **е-у**. В Letters:224 Толкин дает **enyd** как множественную форму слова **onod** – "энт" и утверждает, что **ened** могло быть формой, использовавшейся в Гондоре. **Orod**, мн. ч. **ered** может быть аналогичным случаем, но представляется, что форму **ereid** следует игнорировать.

В "Этимологиях" мы находим также несколько примеров А-А, плюрализирующегося вместо Е-АИ в Е-Е:

adab – "строение, дом", мн. ч. **edeb** (ТАК)

adar – "отец", мн. ч. **eder** (или **edeir**) (АТА)

falas – "берег", мн. ч. **feles** (РНАЛ)

nawag – "гном", мн. ч. **neweg** (или **neweig**) (НАУК)

salab – "лекарственная трава", мн. ч. **seleb** (САЛАК-ВÊ)

и мы можем добавить сюда **belen** наряду с **belein** (БАЛ). Формы **belen**, **neweig** и **edeir** вполне могут быть игнорированы по причинам, обсуждавшимся выше. **Eder** также может быть игнорировано (форма **edair** – "отцы" часто встречается в настоящем синдарине). Однако **feles**, **edeb**, **neweg** и **seleb** могут считаться слегка неправильными (нерегулярными) формами, вместо ожидаемых ***felais**, ***edaib**, ***newaig**, ***selaib**. Предполагается, что синдарин – естественный, а не искусственный язык, так что можно ожидать от него некоторого количества нерегулярностей.

Обобщенно-множественное число

Наряду с обычным множественным числом, в синдарине имеется также так называемое *обобщенно-множественное*, или коллективное множественное. В RGEO:74 Толкин утверждает, что "суффикс **-ath** (исходно – обобщающий существительный суффикс) использовался для формирования группового множественного, объединявшего все предметы одного наименования, или те, что были собраны в некой специальной структуре или организации. Так что **elenath** (как множественное от **el**, [нерегулярное] мн. ч. **elin**) означало "воинство звезд", т. е. (все видимые) звезды небесного свода. Ср. **ennorath**, группа срединных земель, составляющих Средиземье. Заметим также **Argonath**, "пара королевских камней" при входе в Гондор; **Periannath**, "хоббиты (как народ)" как коллективное множественное число от **perian**, "полурослик" (мн. ч. **periair**). В "Письме Короля" мы находим еще примеры: **sellath dîn** – "его дочери" и **ionnath dîn** – "его сыновья", имея ввиду всех Сэмовых сыновей и дочерей как группы. В некоторых случаях представляется, что **-ath** имеет более длинную форму **-iath**. WJ:387 приводит слово **firiath** как обобщенно-множественную форму слова **feir** – "смертный" (обычная множественная форма – **fir**); ср. также "коллективно-множественную" **giliath** в LR:358, корень GIL (как в **Osgiliath**, "Цитадель Звезд").

В некоторых случаях вместо **-ath** используются другие окончания, такие, как **-rim** – "народ"; в WJ:388 сказано, что **Nogothrim** это обобщенно-множественное число от **Nogoth** – "гном". Еще одно окончание это **-hoth** – "народ, воинство, орда", ср. **Dornhoth** – "крепкий народ", другое эльфийское название гномов. Согласно Приложению к "Сильмариллиону" (статья **hoth**), это окончание "почти всегда используется в дурном смысле", упоминается пример **Glamhoth** – "орушая орда", эльфийский "кеннинг" орков. Тот, кто впервые дал название снежным людям Форохеля – **Lossoth** (то есть ***Loss-hoth**, **loss** = "снег"), очевидно, их не любил. В Letters:178 Толкин объясняет, что, в то время как нормальное множественное число от слова **orch** – "орк" – будет **yrch**, "орки как народ или вся ранее упоминавшаяся группа будут называться **orchoth**-" (то есть, очевидно, ***orch-hoth**). Можно обсуждать, являются ли такие формы, как **Nogothrim** и **Lossoth** действительно формами множественного числа или просто словосочетаниями – народ гномов, снежная орда. Слова с "коллективным" окончанием **-ath**, как мы видим, принимают артикли множественного числа **in**, так что они, очевидно, считаются множественными числами. Мы не знаем, принимают ли слова, оканчивающиеся на **-rim** и **-hoth**, также множественные

артикли. В Letters:178 Толкин утверждает, что "общие формы *множественного* [курсив мой] числа часто создавались добавлением к имени (или названию места) некоего слова со значением "племя, воинство, орда, народ" – именно тех окончаний, которые мы здесь обсуждаем.

Синдаринское существительное, как и другие части речи, часто подвергается некоторым регулярным изменениям начальной согласной. На них мы и должны сейчас обратить внимание.

Лениция

Лениция, или "смягчение", это заметная особенность синдаринской (и гэльской) фонологии. Ее называют также "смягчительной мутацией". В определенных контекстах начальная согласная слова изменяется. Глухие взрывные **p**, **t**, **c** превращаются в свои звонкие соответствия **b**, **d**, **g**; аналогично **lh** и **rh** становятся звонкими **l** и **r**. Звонкие взрывные **b** и **d** превращаются в спиранты **v** и **dh**, тогда как **g** вообще исчезает. **M**, как и **b**, ленируется до **v**. Иногда результат лениции **m** записывается как **mh**, хотя, очевидно, в Третью Эпоху он произносился как **v**; в более древние времена **mh** был определенно назальным **v**. (Ср. Приложение Е к "ВК", в части обсуждения рун: "Для (архаического) синдарина требовался знак, обозначающий спирантное *m* (или назальное *v*)"). Лениция **m** в **v**, а **g** в отсутствие звука иногда игнорируется. Временами представляется также, что игнорируется лениция **d** в **dh**, но это может быть из-за неточной транскрипции, сделанной Толкином; Кристофер Толкин наблюдает: "мой отец изначально переменил звонкую форму *th*> (как в современном английском *then*) в эльфийских именах на *d*, поскольку (как он писал) *dh* в английском языке не используется и выглядит неуклюже. Впоследствии он изменил свое мнение по этому вопросу", и возобладали лингвистическая точность. Тем не менее, неточная транскрипция сохранилась во многих опубликованных текстах. Ниже мы приводим **Dor Dhinen** в качестве примера лениции **d** > **dh**, второй элемент, будучи сам по себе, звучит как *dinen*, но в опубликованном "Сильмариллионе" используется неточная форма "Dor Dinen".

Вот примеры различных лениций:

p > **b** – фраза "и Сэмвайз (*Perhael*)" звучит на синдарине как **a Berhael** (**a** = "и", хотя в находящемся под влиянием квэнья синдарине Письма Короля используется **ar**

t > **d** – например, **palan** – "далеко" + **diriel** – "взглянув" = **palan-diriel** – "взглянув вдаль" (RGEO:73, ср. Letters:427)

c > **g** – сравним **calen** – "зеленый" с **galen** в названии **Tol Galen** – "Зеленый Остров" ("Сильмариллион", гл. 14).

d > **dh** – например, **dinen** – "тихий" становится **dhinen** в **Dor Dhinen** – "Тихая Страна" (WJ:333, 338; во многих других местах – неточная транскрипция "Dor Dinen").

b > **v** – например, **i Varanduiniant** – "Барандуинский мост" в Письме Короля.

g > ничто, иногда отмечаемое апострофом ('), чтобы обозначить, что **g** ленировалось до нулевого звука: **Curunir** – "Саруман" + ***glân** – "белый" = **Curunir 'Lân** – "Саруман Белый" (UT:390).

m > **v** – сравним **Eryn** – "лес" + **Morn** – "темный" = **Eryn Vorn** – "Темный Лес" (UT:436, 262); ср. также **Elvellyn** – "Друзья эльфов", что есть **EI** + **mellyn** (WJ:412)

lh > **l** – например, **aer** – "священный" + **lhinn** – "песня" = **aerlinn** – "гимн, священная песнь" (RGEO:70, написано при помощи тэнгвар)

rh > **r** – например, **mith** – "серый" + **rhandir** = **Mithrandir** – "Серый Пилигрим" (MITH, RAN, различные места "ВК")

s > **h** – например, **calen** – "зеленый" + **sad** – "место" = **Calenhad** – "Зеленый Простор" (UT:425)

Из этих примеров можно вывести несколько правил:

1) Такие частицы, как союз **a** – “и” приводят в действие леницию следующего за ними слова. Другие частицы это различные предлоги и определенный артикль **i**: **rhass** – “обрыв”, **i rass** – “(конкретный, упоминавшийся ранее) обрыв” (см. KHÁRAS в “Этимологиях”). В Letters:279 Толкин дает комментарии относительно лениции **c > g** и замечает, что она используется “после тесно связанных частиц (таких, как артикль)”.

2) Когда существительное используется в качестве второго элемента составного слова, оно ленируется (**Calenhad** вместо **Calensad*). В связи с этим, Толкин утверждает (в Letters:279), что “начальные звуки элементов составного слова” ленируются (он использует пример имени **Gil-galad**, которое представляет **Gil-calad* – “Звездный Свет”; ср. неленированное **calad** – “свет” в UT:65 – хотя другое объяснение формы элемента **galad** дано в PM:347). В RGEО:73 Толкин упоминает “синдаринское изменение среднего *t > d*”: **palan-díriel** вместо **palan-tíriel*.

3) Когда прилагательное следует за существительным, которое описывает, прилагательное ленируется (**Tol Galen** вместо **Tol Calen* – “Остров Зеленый”, **Eryn Vorn** вместо **Eryn Morn* – “Лес Черный”).

Четвертое правило, вероятно, заключается в том, что существительное ленирует, если оно играет в предложении роль дополнения (но только когда оно следует непосредственно за глаголом). Сравним восклицание Гандальфа перед Вратами Мории: **Lasto beth lammen**, “слушай слово моего языка” (**beth** это ленированная форма слова **peth** – “слово”). Сравним также строку из Письма Короля: **ennas aníra i aran... suilannad mhellyn in**, “где король желает... приветствовать своих друзей”, **mhellyn** это ленированная форма слова **mellyn** – “друзья” (вариант написания слова **vellyn**, как в приведенном выше **Elvellyn** – “друзья эльфов”?). Можно задаться вопросом, было ли это причиной того, что Гандальф неправильно понял надпись на Вратах Мории: **Pedo mellon a minno**, “скажи “друг” и входи”. Гандальф, как мы помним, сначала думал, что там написано “скажи, друг и входи”. Нормальным образом, слово **mellon** должно предположительно было быть ленировано как объект глагола **pedo** – “сказать” (**pedo vellon*), но те, кто делал надпись, очевидно, проигнорировали обычные правила лениции и дали слову **mellon** в точности ту форму, которую нужно было произнести, чтобы врата открылись. (Разумеется, мы не знаем в точности, как работал “магический” или паратехнологический механизм за вратами, но это должен был быть некий искусственный разум, отвечавший только на звуковую последовательность M-E-L-L-O-N). Возможно, именно из-за этого Гандальф сначала не понял, что **mellon** было объектом глагола **pedo** – “сказать, говорить” и принял его вместо этого за звательное: “Скажи, о друг!”. Тем не менее, поскольку лениция **m > v** игнорируется также в следующем предложении (**a minno** вместо **a vinno* – “и входи”), возможно, что в той форме синдарина, что использовалась в этой надписи, лениции не было вообще.

ПРИМЕЧАНИЕ: Толкин много раз пересматривал правила лениции. Можно упомянуть одно отмененное правило. Как замечено выше, родительный падеж в синдарине выражается только порядком слов: **Ennyn Durin Aran Moria**, “Двери Дурин(а) господина Мория(-ии)”. Согласно правилу, от которого Толкин впоследствии отказался, второе существительное такой конструкции должно ленироваться. Поэтому на первом наброске Врат Мории надпись читалась как **Ennyn Dhurin Aran Voria**, слова **Durin** и **Moria** были ленированы. Ср. **Ar Vanwë**, **Ar Velegol**, **Ar Uiar** – “День Манвэ”, “День Белегола (Аулэ)”, “День Гуйара (Улмо)” в LR:369 (**b** и **m** ленированы до **v**, а **g** до нулевого звука). После изменения формы должны, очевидно, звучать как **Ar Manwë*, **Ar Belegol*, **Ar Guiar*.

Спиранты **f**, **th**, **ch** не подвергаются никакой лениции, ср. **muinthe**l – “дорогая сестра” (**muin** + **thel**); обычно второй элемент сочетания был бы ленирован. См. MOY, THEL в “Этимологиях”.

Назальная мутация

Своим звучанием слова "назальная (или носовая) мутация" напоминают что-то из фильма ужасов (или из "Пиноккио"). Однако это всего лишь еще один немаловажный феномен синдаринской фонологии, часто встречающийся в связи с определенным артиклем множественного числа. Толкин пишет, что "назальная мутация... проявляется после множественного артикля *in*: *thîw*, *i Pheriannath*" (Letters:427 – кажется, Хамфри Карпентер, редактируя это письмо, принял *in* за английский предлог вместо синдаринского артикля, так как Толкин не использовал курсив). Слово *i thîw* – "письмена" в надписи на Вратах Мории кажется не содержащим *in*, хотя "руны" – это множественное число. Еще одна аномалия в том, что слово "руны" написано как *thîw*, в то время как приложение Е к "БК" (раздел II, "Письменность") дает написание *tîw*: "*Tengwar* или *Tîw*, здесь переведенные как "письмена"...". Долгий *i* становится коротким *i*, так как слово не является более односложным, когда к нему прибавляется артикль, но почему начальное *t* превращается в *th*? Собственно, слова *i thîw* представляют **in tiw*! На некой стадии эволюции от общего тэлерина к синдарину *n* было присоединено к последующей *t*, так что появилась форма, подобная **it tiw*. Позднее двойное *tt* превратилось в спирант *th*, что дало *i thîw* (сравним *th* вместо *tt* в таких соответствиях, как квэнийское *quetta* = синдаринскому *peth* – "слово"). Аналогично *n* присоединилось к последующему *p* или *c*, что дало *pp* и *cc*, ставшие позднее *ph* (= *f*) и *ch*. Когда следующее слово начиналось на звонкий взрывной, такой, как *b*, *d*, *g*, назальное *n* переходило в это следующее слово, давая *mb* (вместо **nb*), *nd*, *ng*, но эти сочетания позднее не изменялись:

n + *p* = *ph* (например, *in* – опр. артикль множественного числа + *periannath* – "полурослики" = *i pheriannath* – "(конкретные, упоминавшиеся) полурослики", или *a Pherhael* вместо **an Perhael* – "Сэмвайзу" в Письме Короля)

n + *t* = *th* (например, *in* – опр. артикль множественного числа + *tiw* – "буквы, письмена" = *i thîw* – "(конкретные) письмена")

n + *c* = *ch* (например, *in* – опр. артикль множественного числа + *cirth* – "руны" = *i chirth* – "(определенные) руны")

n + *b* = *mb* (например, *in* – опр. артикль множественного числа + *bair* – "земли" = *i mbair* – "(определенные) земли")

n + *d* = *nd* (например, *in* – опр. артикль множественного числа + *dengin* – "убитые" = *i ndengin* "(определенные) убитые")

n + *g* = *ng* (например, *nuin* – "под" + опр. артикль множественного числа + *giliath* – "звезды" = *nui ngiliath* – "под (определенными) звездами" – но здесь это часто игнорируется; см. ниже)

Кажется, что *nv* в сочетании с *h* дает звук *ch*; ср. *i chin* "дети" (как в *Narn i Chîn Húrin*), предположительно вместо **in hin*.

Толкин непоследователен в своем написании *n* + *g*. В качестве словосочетания "под (определенными) Звездами", одного из приведенных ниже примеров, мы находим не только *nui Ngiliath* (LR:249), но также и просто *nuin Giliath* (LR:378). Он непоследователен также при написании *n* + *d*. "Холм Убитых" (*dengin*) может быть как *Haudh-i-Ndengin* (LR:374), так и в форме с двумя *N* – *Haudh-in-Ndengin* ("Сильмариллион", гл. 20). Есть также *Bar-en-Danwedh* вместо ожидаемого **Bar-e-Ndanwedh* ("Сильмариллион", гл. 21). С другой стороны, мы находим в Приложении F к "БК" *Taur-e-Ndaedelos*, а не **Taur-en-Daedelos* (или **Taur-en-Ndaedelos*). Строго верным правилом представляется то, что *n* + *d* в правильном виде должно порождать начальное *nd*, но Толкин иногда использовал написание, которое, как ему казалось, было бы менее непривычным его читателям – такое, как *Bar-en-Danwedh* вместо настоящей синдаринской

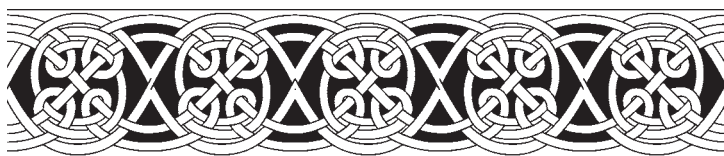

формы ***Bar-e-Ndanwedh**. В конце концов, произношение было бы практически тем же. Форма **Haudh-in-Ndengin** представляется чрезмерной; предпочтаться должна форма **Haudh-i-Ndengin** из LR:374. is to be (В Приложении А к "ВК" мы находим **Haudh in Gwanur** – ***"Курган Близнецов"** – вместо ***Haudh i Ngwanur**. Ср. также **Annon-in-Gelydh** вместо ***Annon-i-Ngelydh** в значении "Великие Врата нолдор" в "Сильмариллионе").

Другая непоследовательность – не по вине Толкина. В *"Unfinished Tales"* следует читать **Narn i Chîn Húrin** вместо **Narn i Hîn Húrin**. В LR:322 Кристофер Толкин признается: *"Narn i Chîn Húrin... пишется именно так во всех случаях, но я неправомочно изменил его на Narn i Hîn Húrin (поскольку не хотел, чтобы Chîn произносили как современное английское chin)"*

Представляется, что назальная мутация порождается только артиклями и предложениями, оканчивающимися на **n**. Она не встречается, если слово, начинающееся на взрывной согласный, просто следует за словом, оканчивающимся на **n**, ср. такое название, как **Eryn Beraid**, а не ***Eryn Mberaid**. Это остается верным даже в составных словах: в Letters:427 Толкин указывает, что **palan** – "далеко" + **tíriel** – "взглянув" производят не ***pala-thíriel**, а **palan-díriel** – "взглянув вдаль", с нормальной леницей **t > d**.

Склонение синдаринских существительных

Вот несколько примеров того, как могут склоняться различные синдаринские существительные в зависимости от их начального звука. Я не ставил звездочек перед этими формами, хотя большинство из них я составил сам по образцам, данным Толкином, и они не встречаются в том действительно небольшом корпусе, которым мы располагаем. В единственном числе я ставил ленированную форму после артикля; ленированная форма появится также, когда существительное является объектом, следуя за своим глаголом, и после таких союзов, как **a** – "и", даже в отсутствие артикля (например, ***a rass** – "и обрыв" [*rhass*]), ***a chaudh** – "и курган" [*haudh*]), ***e teithant gerth** – "он написал руну" [*certh*]).

Не вполне понятно, как **n** множественного артикля **in** ведет себя перед **lh** и **rh**; я принял здесь, что оно теряется, а следующий за ним согласный озвончается до **l**, **r**. (Перед **s** и **m** **in** просто редуцируется до **i** – хотя Толкин немного поэкспериментировал, изменив **Bar-in-M[^]yl** – "Дом (определенных) Чаяк" на **Bar-i-M[^]yl**, см. WJ:418, примечание 8.)

НАЧАЛЬНАЯ ГЛАСНАЯ: **aran** – "король", **i aran** – "(определенный) король". Множественная ленированная форма **erain** – "короли" (особая ленированная форма отсутствует; начальная гласная не может подвергнуться какому-либо подобному изменению), **in erain** – "(определенные) короли" или "об (определенных) королях". Здесь мы можем видеть **n** артиклей **en** и **in**, которое в других случаях часто проглатывается в процессе мутации.

C: **certh** – "руна", **i gerth** – "(определенная) руна". Множественное **cirth** – "руны" (ленированное **girth**), **i chirth** – "(определенные) руны" или "об (определенных) рунах"

B: **Balan** – "Вала", **i Valain** – "(определенный) Вала". Множественное **Belain** – "Валар" (ленированное **Velain**), **i Mbelain** – "(определенные) Валар" или "об (определенных) Валар". (Но в случае исходных корней на MB-, таких, **bunn** – "нос" от MBUD, исходное начальное сочетание вновь появляется следом за **i** в значении определенного артикля единственного числа: **i mbunn**, а не ***i vunn**. См. ниже "Восстановление исходных начальных сочетаний").

D: **doron** – "дуб", **i dhoron** – "(определенный) дуб", **deren** – "дубы" (ленированное **dheren**), **i nderen** – "(определенные) дубы". (Но в случае исходных корней на ND-, таких, как

dolt – "круглая выпуклость" от корня NDOL, исходное начальное сочетание вновь появляется следом за **i** в значении определенного артикля единственного числа: **i ndolt**, а не ****i dholt**).

G: galadh – "дерево", **i 'aladh** – "(определенное) дерево" (ИЛИ, если лениция G > нулевой звук игнорируется, **i galadh**). Множественное **gelaidh** – "деревья" (ленированное **'elaidh**, ИЛИ **gelaidh**), **i ngelaidh** (ИЛИ просто **in gelaidh**) – "(определенные) деревья" или "об (определенных) деревьях".

H: haudh – "курган", **i chaudh** – "(определенный) курган". Множественное **huidh** (ленированное **chuidh**) – "курганы", **i chuidh** – "(определенные) курганы" или "об (определенных) курганах".

LH: lhoch – "локон", **i loch** – "(определенный) локон", **lhych** – "локоны" (ленированное **lych**), **i lych** (?) – "(определенные) локоны" или "об (определенных) локонах".

M: mellon – "друг", **i mhellon/i vellon** – "(определенный) друг". Множественное **mellyn** – "друзья" (ленированное **mhellyn, vellyn**), **i mellyn** – "(определенные) друзья" или "об (определенных) друзьях".

P: perian – "полурослик, хоббит", **i berian** – "(определенный) полурослик". Множественное **peraiin** – "полурослики" (ленированное **beraiin**), **i pheriain** – "(определенные) полурослики" или "об (определенных) полуросликах".

RH: rhass – "обрыв", **i rass** – "(определенные) обрывы". Множественное **rhess** (ленированное **ress**), **i ress** (?) – "(определенные) обрывы" или "об (определенных) обрывах".

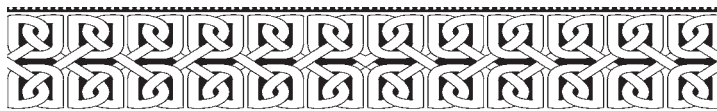
S: sarn – "камень", **i harn** – "(определенный) камень". Множественное **sern** – "камни" (ленированное **hern**), **i sern** – "(определенные) камни" или "об (определенных) камнях" (ср. **i Sedryn** – "(определенные) Верные", мн. ч., вместо ***in Sedryn** в UT:431).

T: telch – "ствол", **i delch** – "(определенный) ствол". Множественное **tilch** – "стволы" (ленированное **dilch**), **i thelch** – "(определенные) стволы" или "об (определенных) стволах". [То же английское слово "stem" можно перевести и как "грамматический корень". – прим. пер.]

Слова, начинающиеся на спиранты **f, th** видимо под мутацию не подпадают; **nv** артикле мн. ч. **i** исчезает (ср. **i-Fennyrr** вместо ***in-Fennyrr** в LR:387, корень SPAN). Слова на **n** would возможно, ведут себя подобным образом.

"Генитивный артикль" **en** – "of the" предположительно вызывает такую же мутацию, как и артикль мн. ч. **in**, хотя **en** используется только во мн. ч.; отсюда **e Mbalan** вместо ***en Balan** – "(этого, определенного) Вала" (ср. мн. ч. **i Mbelain** вместо ***in Belain** – "Валар" или "(этих) Валар"). Однако в MR:373 встречается несколько странных форм, не соответствующих примеру. Это **e-Dinúviel** – "(этого) Соловья" с леницией T в D, так как не ленированная форма слова, конечно, **Tinúviel**. Но почему ***en Tinúviel** не дает формы ***e Thinúviel** под воздействием назальной мутации? Карл Ф. Хостеттер предполагает, как кажется резонным, что генитивный артикль **en** – "of the" имеет альтернативную форму **e**. Этот артикль вызывает нормальную леницию (мягкую мутацию) последующего слова: в MR:373 также встречается **e-'Rach** – "(этого) Проклятья". Синдаринское слово "проклятье", очевидно, ***grach**; здесь же мы видим пример нормальной лениции **g** в отсутствие звука (утраченный **g** представлен с помощью знака ').

(продолжение следует)

(C) MORGUL 2004

Белег встречается Гвиндора